

**ТАЙНЫ БРИЗБРУКА.
УБЕЖИЩЕ**

ДЖУЛИЯ ГЕЙЛ

18+

Джулия Гейл

Тайны Бризбрука. Убежище

«Автор»

2024

Гейл Д.

Тайны Бризбрука. Убежище / Д. Гейл — «Автор», 2024

Англия 1907 год. Невероятные морские пейзажи, крики чаек, парящих над черными скалами, уютные рыбацкие домики – кажется, Эмили Уоттс повезло найти работу в Бризбруке. Но идиллия заканчивается, когда в сети местных рыбаков попадает труп молодой девушки. Ее руки связаны за спиной, а в волосах запутался венок из сухоцветов и рыбьих костей. Что это: мистический ритуал или чьи-то безумные фантазии? Эмили начинает собственное расследование, которое приводит ее в загадочную общину, почти полвека живущую на острове посреди залива...

© Гейл Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Генриетта Берл	6
Глава 2. Новости Бризбрука	12
Глава 3. Мертвая вода	15
Глава 4. Жертва	18
Глава 5. Полиция Бризбрука	23
Глава 6. Саманта	28
Глава 7. Ювелиры	34
Глава 8. Ужин	40
Глава 9. Робертсы	46
Глава 10. Следующая	53
Глава 11. Громкие заголовки	58

Джулия Гейл

Тайны Бризбрука. Убежище

Предисловие

**Виндхерст 1851 год.
Графство Девоншир, Англия.**

Я не знала, что такое любовь. Не знала, что она существует. Что ее можно завоевать, заслужить, вымолить. Я не просыпалась с мечтами о лучшей жизни, не ждала сострадания.

Я выживала.

Мне было семь. Стоя босиком на холодном дощатом полу, я смотрела в маленькое окно, забрызганное грязью и рыбьим жиром, на неспешные волны Бристольского залива. Я ждала, когда на горизонте появятся рыбацкие лодки. Я не думала о том, что скрывалось за горизонтом, не мечтала о чем-то прекрасном. В моем мире не было прекрасного: он насквозь пропах рыбой и нищетой. Как я сама, как весь Виндхерст.

Маленький городок на островке посреди залива. Своей жуткой улыбкой он насмехался над уютным побережьем вокруг: над туманными берегами, холмами, покрытыми зеленью, теплыми летними ветрами. Угрюмый, тоскливый, пропитанный портвейном и ненавистью. Виндхерст был беспощаден к своим обитателям.

Лодки, которые изредка причаливали к берегу, были такими же жалкими и уродливыми, как та, что принадлежала отцу. Приезжие брезгливо кривили носы, стараясь побыстрее загрузить ящики с рыбой и уплыть подальше от невыносимого смрада. Казалось, даже море не способно отмыть эту грязь. Оно *брезгает* прикасаться к нам. Поэтому спешит наполнить рыбацкие сети и вернуть на берег...

Глава 1. Генриетта Берл

Лето 1907 года в Англии выдалось холодным и дождливым. Погода не баловала даже жителей побережья. Экипаж Эмили всю ночь трясся по размытым дорогам графства Девоншир. Лошади то и дело увязали в грязи, колеса застревали, девушке приходилось выходить и ждать под проливным дождем, пока кэбмен вытаскивал повозку. Путешествие обернулось бесконечным кошмаром. Дождь не прекращался, Эмили вымокла до костей, чувствовала подступающий к горлу кашель, голова раскалывалась. Лишь на подъезде к Бризбруку сквозь серую пелену туч наконец-то проступило утреннее солнце.

Утомленная долгим переездом, Эмили сама не заметила, как уснула. Вдруг экипаж резко остановился, кони заржали, а девушка треснулась лбом о стекло. С трудом открыв сонные глаза, она поняла, что бесконечная грязь и поля за окном сменились приятными морскими пейзажами. Правда, голова теперь раскалывалась еще больше. Эмили потеряла лоб: кажется, будет шишка.

Кэб остановился на холме, откуда открывался прекрасный вид на залив и уютный городок Бризбрук с белоснежными фасадами, маленькими мощеными улочками и летними домиками, которые расположились на его окраине. Приятный теплый ветерок шелестел в травах и цветах, окутывающих холм. Неподалеку виднелась одинокая башня старого маяка.

– Добро пожаловать в Бризбрук! – Эмили попыталась улыбнуться.

Кэбмен постучал в окно, жестом показывая, что надо выйти.

– Снова...

– Мисс, дальше придется идти пешком! Колесо отвалилось. Быстро не починю. Хорошо, багажа у вас мало – дотащите.

Эмили с трудом выползла из экипажа, пытаясь размять затекшие конечности. Вещей у нее действительно было немного: всего два чемодана. Но нести их в руках, по старой брусчатке...

Выбора не было. Девушка собрала оставшиеся силы и потащила вниз, к подножию холма, где раскинулся Бризбрук. Сверху казалось, что до первых домиков недалеко, но на деле идти предстояло больше часа.

Теперь Эмили проклинала солнце и жаркое утро на побережье: она вспотела, устала, хотелось остановиться, расплакаться, но этого она бы себе не простила. Позади раздался цокот копыт. Эмили прижалась к обочине, пропуская кэб. В голове мелькнула надежда: вдруг кто-то остановится и согласится подвезти ее в редакцию! Но не тут-то было.

Эмили повернула голову и прищурилась, пытаясь рассмотреть приближающийся экипаж, как вдруг почувствовала, что ее окатило холодными грязными каплями. Повозка наехала на лужу, и теперь девушка стояла на обочине, покрытая пятнами липкой мокрой глины.

Кэб не планировал останавливаться, но тут на пороге дома, рядом с которым оказалась Эмили, появилась высокая пожилая женщина. Она ловко сложила два пальца и свистнула извозчику. Экипаж остановился, из него выскочил молодой симпатичный парень.

– Иэн, какого черта ты творишь?! Девушку обрызгал, шума наделал. Ты куда гонишь? – женщина приветливо улыбнулась Эмили, а потом скрестила руки на груди, всем своим видом выражая недовольство Иэну.

– Этта, блин! У меня работа. Таверну снова пытались ограбить: кажется, Чак и его поделники решили, что им положена бесплатная выпивка.

– Так вы полицейский? – Эмили удивленно подняла бровь.

Но Этта не дала парню ответить:

– Это не дает ему права вести себя по-хамски. Посмотри, во что превратилось твое платье, вещи в грязи, чемодан сломан.

Эмили только сейчас заметила, что, испугавшись кэба, она выронила чемодан. Он открылся, и теперь ее фотоаппарат, пленки, реактивы были перепачканы грязью.

– Простите! Мне правда очень неловко, – взгляд Иэна говорил о другом. Ему явно не нравилось, что Этта отчитывала его посреди улицы, как мальчишку за скверный проступок.

Эмили улыбнулась:

– Все в порядке.

– Вы фотограф? – Иэн с интересом изучал вещи в чемодане девушки.

– Фотограф, журналист, буду работать в местной газете.

– Очередная заноза для полиции! Сразу предупреждаю: не вздумайте пугать людей своими выдумками.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Познакомьтесь с Гектором – поймете.

Гектор был главным редактором газеты «Новости Бризбрука», единственный, кто откликнулся на письмо Эмили, которая несколько месяцев безнадежно искала хоть какую-то работу в издательстве. Именно поэтому, получив приглашение от Гектора Хармса, она, не раздумывая, покинула Лондон и отправилась на край света, в никому не известный Бризбрук.

– Ладно, Иэн, не горячись. Помогите девушке собрать вещи и занеси их в дом. Дальше мы сами разберемся. Не кривись так, я запакую для тебя и ребят несколько рыбных пирогов. Вряд ли в таверне вас угостят чем-то кроме битых стаканов.

Иэн оживился. Он помог Эмили собрать вещи и проводил ее в дом, где на первом этаже располагался уютный ресторанчик, которым, видимо, владела Этта.

Хозяйка вышла с картонными коробками, от которых шел невероятный запах жареной рыбы и свежей выпечки. Иэн поблагодарил Этту, забрал угощения и уехал. А Эмили так и осталась стоять в растерянности, не зная, что сказать.

– Пойдем, милая, думаю, тебе нужно немного перевести дух с дороги и переодеться. А еще у меня в ресторанчике сегодня подают отличный завтрак.

Эмили хотела сказать, что до первого жалования в редакции у нее не так много сбережений, но Этта опередила ее:

– Все за счет заведения! В этом безжалостном мужском мире мы должны держаться вместе!

Этта весело подмигнула Эмили и поспешила по лестнице наверх. Девушка поплелась следом, стараясь угадать, сколько лет владелице ресторанчика: сорок? Пятьдесят?

Этта выглядела роскошно! Белоснежные локоны были аккуратно уложены и подколоты на затылке. В глазах отражалась синева утреннего неба. Кожа казалась практически прозрачной из-за необычного цвета слоновой кости. Лишь редкие морщины выдавали в ней возраст. На лбу виднелись мелкие белые полосы – видимо, старые шрамы, но они добавляли женщине загадочности, как будто сама природа нанесла необычный узор.

На Этте была простая льняная блуза с вышивкой, холщовые брюки, подчеркивающие фигуру, высокие сапоги. В таких точно было удобно передвигаться по грязным дорогам Бризбрука.

– Смотри, на втором этаже у меня две спальни. Они почти все время пустуют. Я живу в Виндхерсте – это небольшая деревушка на острове посреди залива. Но иногда остаюсь в Бризбруке. Поэтому одну комнату обычно готовят для меня, а вторую ты можешь занять. Располагайся!

– Этта, а сколько...

– Потом решим. Комната все равно пустует, в деньгах я не нуждаюсь. А вот в компании – частенько. Но ты не пугайся, я не буду навязываться тебе с историями о бурной молодости.

Этта замолчала, словно вспоминая о чем-то.

– Да, меня зовут Генриетта Берл. Но местные называют Эттой. В те редкие моменты, когда не кричат, что я ведьма.

Эмили улыбнулась: эта женщина очень ей нравилась. Ее уверенность, сдержанность, острый ум. Она смотрела на мир, словно тот принадлежал ей.

– Я Эмили Уоттс. Надеюсь, получить место фотографа в газете, если это не очередная ошибка. Очень сложно найти работу, когда ты...

– Носишь юбку! Уж мне-то не знать! Поэтому советую не отказываться от помощи.

– Спасибо, Этта.

– Так, Эмили, в ванной ты найдешь мыло, полотенце. Прими душ, переоденься, разбери вещи и спускайся. Я приготовлю завтрак и сварю кофе. Посплетничаем немного.

Этта ушла, не дожидаясь ответа Эмили. Девушка выдохнула. Ей было сложно справиться с напором Генриетты Берл, но, с другой стороны, встреча с ней казалась чистым везением. Теперь у Эмили была уютная комната, собственная ванная, ее даже обещали накормить завтраком! А после обеда ждали на собеседовании в газете. Все складывалось не так ужасно, как казалось ночью, когда она стояла в лесу под проливным дождем.

Эмили направилась в ванную, чтобы принять душ. А когда вышла, почувствовала себя куда лучше. От кожи приятно пахло лавандовым мылом, которое в Бризбруке явно варили вручную, а волосы наконец-то не торчали в разные стороны, словно грязные колючки ежа.

Эмили переоделась, бережно разложила пленки, лампы, пластины и запасные детали для фотоаппарата. Отвела в шкафу целую полку под реактивы! Можно было спускаться на завтрак. Выходя из комнаты, она обратила внимание на небольшое фото, которое стояло в рамочке на комод. На нем была красивая молодая девушка с большими глазами, чем-то напоминающая Эмили. Ямочки на щеках, веснушки, рассыпавшиеся по скулам, и непослушные кудри, развевающиеся на ветру...

Генриетта уже ждала Эмили за столиком. Ресторанчик был закрыт, поэтому они оказались одни посреди большого зала, красиво декорированного бело-голубыми тканями, ракушками и цветами.

– Присаживайся. Я не знала, что ты любишь, но от моих рыбных пирогов еще никто не отказывался.

– Я готова слона съесть!

Эмили действительно проголодалась. Она попробовала горячие пироги Этты: ароматные, сочные, они оказались невероятно вкусными.

– Выходит, это ваш ресторанчик?

– Да, но обычно мы открываемся ближе к ужину. Как правило, несколько раз в неделю и по праздникам. Сюда приходят только по специальным приглашениям: угоститься рыбными пирогами, устрицами и другими морскими изысками. Не для простых смертных, в общем. Оставляю за собой право решать, кого я хочу видеть в гостях. В остальное время мы собираем заказы, готовим и развозим еду по городу.

– Вот почему Иэн так обрадовался, когда вы угостили его пирогом?!

– Еще бы! О таком обеде в местной полиции и мечтать не могли! Но на самом деле у меня есть еще несколько пекарен, цветочных лавочек и магазинчик, где продаются духи, мыло.

– Мыло? Такое, как я нашла в ванной? Потрясающий аромат!

– Благодарю. Смело могу сказать, что в зарабатывании денег я преуспела. Чего не скажешь о семье.

– Там в комнате я видела фотографию девушки...

– Это моя дочь, Софи. К сожалению, она погибла много лет назад... Вслед за моим мужем. За один год я лишилась обоих. Остались лишь редкие воспоминания... Но прочь грустные мысли! Если тебе неудобно, я заберу фотографию.

– Нет, что вы! Это же ваша семья. Я выросла с бабушкой и дедушкой. Они говорили, что мама умерла, хотя мне всегда казалось, что она просто бросила нас. Поэтому папа сошел с ума. Его поместили в психиатрическую лечебницу, и я никогда его не видела... Я писала письма, умоляла о встрече, но, наверное, он даже не понимал, кто я такая...

Этта постучала пальцами по столу:

– Так, что-то мы с тобой расклеились. А день предстоит непростой. У меня куча дел в Виндхерсте, поэтому я оставляю тебя одну. Ресторан закрыт, так что спокойно отдохнешь. Вот ключи. В комнату можно попасть с заднего двора: там есть лестница на второй этаж. Так что ни ты, ни тебя никто не потревожит.

– У меня через час встреча с Гектором Хармсом, редактором газеты. Как-то я волнуюсь.

– Не переживай. Я давно знаю Гектора, он не бросает слов на ветер: если пригласил тебя на работу, значит, вопрос решенный. Но...

Этта встала из-за стола и вышла на кухню, а через несколько минут вернулась с еще одной коробочкой угощений. На этот раз внутри были устрицы.

– Этта, я не думаю, что это хорошая идея...

– Считай, что это мои рекомендации. Бризбрук – маленький городок, который живет по своим первобытным правилам. Хорошо это или плохо – не знаю, но нам нужны гарантии! И работа. Вдруг я передумаю и решу содрать с тебя кучу денег за комнату!

Эмили решила, что после десяти предыдущих отказов от редакторов, устрицы были не самым плохим вариантом, чтобы повисить свои шансы.

– Спасибо, Этта. Но можно спросить... Зачем тебе все это?

Этта посмотрела в окно, откуда открывался невероятный вид на залив. Она несколько минут молчала, собираясь с мыслями. Морщины глубокими шрамами проступали на ее бледном лице, выдавая почтенный возраст. Генриетте Берл исполнилось шестьдесят два. Она знала, что осталось недолго.

– Кажется, я боюсь одиночества больше, чем могла подумать...

* * *

Эксетер 1910 год.

Психиатрическая лечебница Св. Бенедикта.

Графство Девоншир, Англия.

Небольшой городок Эксетер расположился на юго-западном побережье Англии. Сюда приезжали в поисках тишины и умиротворения. Тенистые парковые аллеи, цветущие сады, обрамляющие древние руины замка, башни Кафедрального собора Святого Петра...

Возможно, много лет назад Джек нашел бы в Эксетере то, что искал, но сейчас его отделяли от остального мира мрачные стены лечебницы. Почти тридцать долгих лет пребывания здесь обернулись вечностью: криками убитых товарищей, кровью врагов, взрывами, которые раздавались каждую ночь, и болью, которая разрывала на части. Джек никогда не оставался один: тени прошлого преследовали его.

Лечебница находилась на холме, почти за городом. Крепость, которая служила тюрьмой своим обитателям. Снаружи она выглядела угрожающе: здание было старым и ветхим, кирпичная кладка давно покрылась мхом, а крыша дрожала даже от легкого дуновения ветра. Входная дверь была тяжелой, большой – ее скрип больше напоминал стон. Словно суровый страж, она отпугивала посетителей, а может, оплакивала тех, кому было суждено коротать здесь свои последние дни.

Палаты лечебницы были тесными и темными. Даже мрачные коридоры были заставлены кроватями, стены испещрены трещинами и пятнами плесени, а маленькие окна затянуты ржа-

выми решетками. Запах лекарств и испражнений, который стоял повсюду, был неприятным, острым, пронизывающим.

В лечебнице оказалось не так много ветеранов второй англо-афганской войны. Не так много безумцев, которые в поисках приключений и мифических подвигов вербовались на фронт: воевать в пустыне, задыхаться от песчаных бурь. Но те, кто попал туда, даже спустя годы так и не смогли оправиться. Измученные старики, такие как Джек. Они приходили сюда доживать свои поломанные жизни. Бесплатное пристанище для тех, кто был обречен.

Одетые в серые заношенные халаты, они бродили по коридорам, бормоча что-то себе под нос. Их лица были бледными, испуганными, искаженными болью. Лекарства, которые приносили медсестры, не помогали: они позволяли забыться, ненадолго притупить воспоминания. Здесь просто ждали конца.

Кровать Джека стояла в дальнем углу комнаты. Он редко вставал с нее, предпочитая просто смотреть в окно, отгоняя мрачные тени. Но они настойчиво возвращались: сражения, изувеченные тела... Эти картины сменялись маленькими рыбацкими домиками, пылающими кострами и чудищами, разрывающими человеческую плоть. Джек кричал, страшно, неистово, а потом отключался и погружался в темноту.

На теле мужчины виднелись шрамы: лицо, руки, ноги – все тело было покрыто белыми полосами, бляшками и рубцами от гниющих язв. На левой руке старика не хватало пальцев. Один глаз почти не видел, а волосы росли только на той части головы, где не осталось страшных следов. Одежда была грязной и изношенной, а простыни забрызганы скудной больничной едой.

Мэри уже пять лет служила медсестрой в лечебнице Святого Бенедикта. Она хорошо изучила своих подопечных: знала их истории, привычки, желания. Она старалась привнести хоть немного радости в их жизнь: приносила проигрыватель, покупала печенье, газеты, книги. Она была их маленьким лучиком тепла, когда остальные относились к обитателям госпиталя просто как к живым трупам.

Мэри знала, что у Джека сегодня день рождения, и купила ему рыбный пирог. Она не раз замечала, как он закрывал глаза, наслаждаясь их вкусом, как будто вспоминая о чем-то приятном. В отличие от других пациентов его никто и никогда не навещал, не присылал писем, не справлялся о здоровье.

Своими чудовищными криками и шрамами Джек пугал медсестер, но Мэри знала: главная незаживающая рана у него внутри. И оставлена она не войной в пустыне...

Но Джек редко что-то рассказывал, в основном смотрел в окно на холодные воды Ламанша. А сегодня, придя на работу, Мэри обнаружила, что для него оставили подарок: небольшой сверток, обернутый мешковиной. Не было ни подписи, ни открытки. А вместо ленты – обычная бечевка, к которой была привязана фигурка, сделанная из рыбьих костей...

– Джек, танцуй, у меня для тебя подарок! С днем рождения, приятель!

Джек смотрел в стену и не пошевелился, даже когда услышал звонкий голос Мэри. На самом деле ему нравилась эта милая добрая девушка, которая частенько читала им новости, пела. Одним своим существованием она говорила о том, что мир за стенами лечебницы еще жив, что в нем есть свет, радость, сострадание...

– Я не шучу: для тебя оставили посылку. Если внутри сладости, обещай, что поделитесь – иначе не отдам, – Мэри засмеялась. – Я тут рыбный пирог принесла. Украла в лавочке у мистера Гарриса! Будем праздновать с размахом. Кажется, у твоего соседа по койке под матрасом припрятан ром.

Джек не реагировал, но Мэри знала, что он слышал ее.

– Что бы тебе не прислали, но фигурку из костей точно оставлю себе, никогда...

Мэри не успела договорить, как Джек резко обернулся и сел на кровати. Он протянул дрожащую руку с обрубками пальцев, и она осторожно вложила туда сверток. Лицо старика

прояснилось, а глаза налились слезами. Мэри не понимала, какие чувства он испытывал: ужас, удивление, счастье?

– Эт-т-того не может быть...

Мэри решила оставить Джека наедине со своими мыслями. Она тихонько положила рыбный пирог на грязную тумбочку и отправилась за лекарствами для пациентов.

Джек медленно коснулся свертка и провел морщинистой рукой по жесткой мешковине. Голова закружилась от нахлынувших чувств. Он аккуратно снял веревку и развернул сверток. На колени упала старая тетрадь в красивой кожаной обложке.

Прошли годы, а она выглядела как новая – будто кто-то заботливо чистил переплет...

Листы внутри пожелтели, но Джек точно знал, что это.

– Мой дневник... Она сохранила его...

Джек жадно вдохнул спертый воздух палаты и открыл тетрадь. Стены лечебницы растворились, унося его далеко-далеко от Эксетера, на северное побережье графства Девоншир. Джек погружался в воспоминания, пожалуй, самые яркие в его потерянной жизни...

Глава 2. Новости Бризбрука

Эмили постучала в маленькую обшарпанную дверь на втором этаже невзрачного здания по Мейпл-стрит. Это был самый оживленный район Бризбрука: неподалеку от порта, рынка, торговых лавочек и единственной на весь город прачечной, которая обстирывала тех, чей доход превышал хотя бы несколько сотен фунтов.

Прямо над прачечной располагалась небольшая редакция газеты «Новости Бризбрука». Признаться, Эмили ожидала чего-то более респектабельного. Прогуливаясь по городу, она заметила, что газеты, которые продавали мальчишки, расходились не хуже рыбных пирогов Генриетты. Мальчишки выкрикивали какие-то умопомрачительные новости, обещали жителям побережья сенсационные разоблачения. По всей видимости, они не имели ничего общего с реальностью, но никто и не ждал правдивых историй: в Бризбруке обожали сплетни!

Дверь никто не открыл, Эмили осторожно толкнула ее и заглянула в просторное светлое помещение, заваленное газетами и бумагой. Здесь пахло свежей типографской краской и дешевым кофе.

В комнате сидели двое: высокий худощавый мужчина с копной вьющихся темных волос. Яркий, громкий, постоянно жестикулирующий, и его полная противоположность: серая, невзрачная дамочка лет пятидесяти, с гулькой на голове, в огромных очках, то и дело сползающих с переносицы. Они были заняты работой и не обращали на Эмили никакого внимания.

– Привет, меня зовут Эмили. Я приехала из Лондона по приглашению мистера Хармса. Кажется, вам нужен фотограф?

Долговязый кудряш обернулся и помахал Эмили рукой, а потом обратился к коллеге:

– Выходит, Гектор все-таки уволил Макса? А я думал, куда тот подевался. Вроде уже должен был протрезветь.

Серая мышка ничего не ответила кудряшу, а лишь закатила глаза. Видимо, предыдущий фотограф лучше владел стаканом портвейна, чем камерой. Она повернулась к Эмили, в очередной раз поправила очки и улыбнулась:

– Привет! Я Клара Дотт, а это мой коллега, Жозеф Мувон. Но мы зовем его француз.

– Вы пишете статьи для местной газеты?

– Пишем?! Скорее сочиняем, слышала о такой журналистике? – француз попытался изобразить на лице отчаяние. – В городке, где самые важные новости – это килограммы свежей рыбы и разбитые рожи рыбаков, приходится вспоминать, что в душе ты еще и писатель!

– Ладно тебе, людям нравится! А ты можешь постоянно пропадать в трактире, подслушивая сплетни.

– Клара, я собираю материал!

– Ага, в стакан!

Эмили с интересом слушала их дружескую перепалку, когда дверь в дальнем конце комнаты открылась. Оттуда показался большой тучный мужчина, который с трудом влезал в узкий проем. Он был красный от жары и постоянно протирал рукавом пот на широком сальном лбу. Голова его давно облысела, а маленькие глазки выглядели уставшими и неподвижными.

– А вот и наш редактор, господин Гектор Хармс собственной персоной! – сладко пропел француз.

– Добрый день, мистер Хармс. Меня зовут Эмили, я...

– Сегодня никого не принимаю. Такая жарница, пойду домой, а то сдохну тут.

– Но как же...

– Приходите завтра... А лучше – через пару недель.

На глаза Эмили навернулись слезы. Она пыталась найти в сумке платок, когда нащупала коробку с устрицами.

– Мистер Хармс, тут Генриетта просила вам передать...

Глазки Гектора оживились, забегали, толстыми пальцами он схватил устрицы и облизнулся. Рекомендации Генриетты работали в Бризбруке лучше любых сопроводительных писем.

– А вы ее?..

– Племянница! Тетя хотела лично вас поблагодарить за то, что согласились взять меня на работу. Думаю, она это сделает при возможности: например, на ужине в ее ресторанчике...

Эмили не знала пока, как будет расхлебывать обещания, данные Хармсу, но в душе верила, что Генриетта поможет.

Глаза Гектора засветились, он как будто даже скинул пару килограмм – стал живым, подвижным, веселым. Он за пару минут провел для Эмили экскурсию по единственному кабинету издательства, рассказал, как сдаются материалы в печать и где находится типография. Потом поздравил с первым рабочим днем и поспешил домой: лакомиться устрицами. Дотт пообещала Гектору уладить все формальности с трудоустройством мисс Уоттс и с легким сердцем выдохнула, когда он ушел.

– А ты не промах! – одобрительно кивнул француз. – Не хочешь, кстати, поработать сегодня?

– С удовольствием! Что нужно делать?

– Тут сорока на хвосте принесла, что в порту рыбаки выловили какой-то труп или скелет. Может, ничего интересного, но полиция уже там. Если получится сделать несколько внятных кадров, историю мы придумаем! Через пару дней будешь на первой полосе!

– А то наш месье Мувон не хочет тащить свою задницу куда-то в такую жару! – Клара уже десять лет работала с Жозефом и точно знала, что стоящую историю он бы так просто не отдал.

– Труп? И часто у вас такое? – Эмили больше интересовало расследование.

– Ну, не редко. Утопленников регулярно вылавливают. Я бы не надеялся на сенсацию, но... Чем черт не шутит! Заодно познакомишься с местной полицией.

– Да я как бы уже...

Жозеф и Клара с любопытством смотрели на Эмили, ожидая продолжения.

– Я едва не помешала задержанию банды Чака! Встала, так сказать, на пути правосудия!

Эмили взяла сумку с фотоаппаратом и выскочила за дверь, оставив коллег додумывать историю. Возможно, она тоже появится в ближайшем выпуске «Новостей Бризбрука».

* * *

Виндхерст 1851 год.

Графство Девоншир, Англия.

Резкий запах спиртного ударил в нос. Я почувствовала, как кто-то схватил меня за волосы и бросил в угол.

– Папочка вернулся! – почти прорычал Фрэнк и, качнувшись, ухватился за стул, едва не рухнув на пол. – Глазеешь в окно? Мужика присматриваешь? Вся в свою мать шлюху!

Фрэнк замахнулся и со всей силы ударил меня по лицу. На глазах проступили слезы. Реакция была скорее физической, мне не было обидно или грустно. Я знала, что так должно быть.

Я попыталась быстро стереть слезы рваным подолом, но папаша заметил. Он снова схватил меня за волосы и потащил к бочкам с рыбой.

– Никчемная дрянь, займись-ка лучше делом. Нужно почистить рыбу и отнести Сальме в лавку. Сегодня улов ни к черту. Из кишек сварить супа, если не хочешь сдохнуть от голода.

– Да, папа.

Я встала на ноги, взяла с полки тупой ржавый нож и начала чистить рыбу. Чешуя летела прямо на меня, запах тухлятины проникал под кожу, впивался в ногти и волосы.

Папаша расплылся в беззубой ухмылке и направился к кровати. Грязные простыни с пятнами рыбьих кишок напомнили ему о чем-то приятном.

– Ты бы слышала, как Сальма визжала, когда я ее трахал! Обещала притащить джина в обмен на тушки макрели. Кинь ей еще селедок, а то завоняют в мешке.

Ноги и пару литров портвейна подвели Фрэнка. Он зацепился за драную занавеску и все-таки рухнул на пол. Прямо на мешок, который служил мне кроватью. Я медленно выдохнула, догадываясь, что будет дальше...

– А-а-а, что за черт?! – Фрэнк доставал из руки рыбы кости и удивленно смотрел на них. Потом он взял нож и разрезал мешок – на пол вывалились мои скудные сокровища. Игрушки, которые я мастерила из рыбьих костей. Маленькие жуткие фигурки, куклы, браслеты. Папаша стал багровым, на сальном лбу проступили вены.

– Это что за хрень?! Ты не просто шлюха, ты ведьма! Сальма говорила, что женушка прокляла меня, потому рыба гнилая приходит. Еще раз увижу – утоплю, поняла?!

Я задумалась над угрозой отца. До этого моей самой смелой мечтой была лихорадка, от которой умер муж Сальмы. Я слышала, как рассказывали, будто он кричал всю ночь и бился в припадке, а утром уже не проснулся. Мне казалось, ему повезло... И я бы потерпела ночь... Всего одну ночь...

– Че стала, убогая?! Тащи рыбу Сальме. А я покемарю. Потом решу, что с тобой делать.

– Да, папа.

Фрэнк сгреб мои поделки, положил на пол и раздавил хрупкие рыбы хрящи толстой подошвой. Мои единственные игрушки превратились в пыль. Я смотрела на отца огромными горящими глазами. Впервые я чувствовала что-то внутри. Что-то ужасное. Оно сжигало дотла, но было приятно *живым*...

Глава 3. Мертвая вода

Эмили сразу поняла, куда идти. У дальнего причала, рядом с большой рыбацкой лодкой, собралась толпа людей. Полицейские пытались уговорить жителей покинуть причал, но местные не планировали расходиться, не узнав, что случилось.

Эмили прислушивалась к разговорам, пытаясь подобраться ближе к лодке. Кто-то был уверен, что нашли очередного утопленника; кто-то верил, что это трактирщика бросили на корм рыбам, за то что он натравил полицейских на банду Чака; остальные обсуждали морских монстров, гигантские рыбы черепа и то, что вода в заливе мертвая, проклятая. Похоже, в Бризбруке воображение было не только у работников местной газеты.

Эмили увидела Иэна, парня из экипажа, утром окатившего ее грязью. Он выглядел важным и представительным. Лишь непослушные темные кудри, то и дело выбивающиеся из-под фуражки, намекали на озорного мальчишку, который скрывался под формой сурового констебля. Иэн общался с рыбаком. Похоже, тот был владельцем лодки. Владелец выглядел мрачным и расстроенным, он указывал на сети, но было невозможно разглядеть, что в них. Среди водорослей и тины явно запуталось что-то большое.

Эмили вздрогнула: она заметила длинные спутанные волосы, которые свисали из сетей. Француз не ошибся: в рыбацкие сети действительно попал труп. Девушка чувствовала нарастающую панику: ей еще не доводилось оказываться лицом к лицу со смертью. Но страх пробуждал любопытство.

Эмили услышала шум и крики неподалеку. К причалу приближался еще один полицейский: он ругал на чем свет стоит штатного фотографа, который умудрился проиграть в карты казенную камеру.

– Да я завтра отыграюсь... Денег займешь?

– Ты совсем охренел? Я тебя пристрелю! Что прикажешь делать? Картинки рисовать? Ты, олух, рисовать умеешь? Или вот ты?

Комиссар местной полиции, Гарри Шерхолл, не просто кричал, он разрывался от злости и бессилия.

Эмили сделала шаг навстречу.

– Добрый день, меня зовут Эми...

– Поди прочь, пока не угодила за решетку!

– Я хотела предложить вам помощь...

– Да какую, нахрен, помощь?! Не видишь, тут труп нашли?!

– Я фотограф... Я могла бы помочь вам в расследовании.

– Ты совсем дура?! Какую-то бабу к трупу пустить? И что потом? Сплетни и обмороки.

Иди домой, не мешайся тут.

Эмили подняла глаза в поисках Иэна. Он уже стоял за спиной у шефа полиции и растерянно слушал разговор.

– Ваш констебль знает меня!

Шерхолл внимательно посмотрел на парня:

– Ну?!

– Она работает у Гектора, журналистка.

– А фотоаппарат держать умеет?

– У меня все с собой, я могу сделать несколько фотографий и принести в участок. Вы точно ничего не теряете. А я получу материал для статьи.

У Шерхолла не было выбора, но он не хотел этого показывать. Поэтому медлил с ответом, хотя явно успокоился: проблема решилась сама собой.

– Ладно, Иэн, под твою ответственность. Проводи дамочку...

– Меня зовут Эмили. Эмили Уоттс.

– Проводи мисс Уоттс к лодке, пусть сделает несколько фотографий. Потом прикрепим к делу. Думаю, тут просто утопленница: очередная шлюха с разбитым сердцем. Но может, пойдем, кто из них решил поплавать в заливе.

Эмили резанула черствость и легкость, с которой комиссар говорил о мертвой девушке, но не подала виду. Она пошла за Иэном прямо к сетям. Констебль подал знак рыбакам, чтобы те опустили сеть на причал.

Когда веревки упали, перед Эмили предстала жуткая картина. Это был не труп, а скелет, на котором почти не осталось плоти. Видимо, девушка не один день провела в воде. Ее волосы были длинные, почти до колен, огненно-рыжие. В них запуталась тина и еще какой-то мусор. На руках – странные браслеты и обрывки одежды, которые было сложно распознать.

Эмили задрожала, она почувствовала, что ей становится дурно: от смрада и мрачной картины обглоданного тела. Иэн осторожно положил руку ей на плечо.

– Спокойно, не надо показывать Шерхоллу, что тебе плохо или страшно. А то он озверевает еще больше. Попробайся сделать несколько кадров: пару минут – и все закончится.

Тихий спокойный голос Иэна подействовал на Эмили. Она достала из сумки фотоаппарат и сделала снимки. С разных ракурсов, в деталях – она не хотела упустить ни одной важной зацепки, которая могла бы помочь полиции. Эмили не верила в то, что девушка решила покончить с собой. Что-то во всей этой картине говорило об обратном, но что...

Мысли пока плохо слушались Эмили, поэтому, закончив работу, она попыталась побыстрее убраться с причала, пообещав Иэну завтра принести фотографии. Он предложил проводить ее до дома Генриетты, но Эмили отказалась. Ей хотелось побыть одной. Правда, сначала стоило заглянуть в редакцию и предупредить Жозефа, что сюжет будет завтра. А сегодня был слишком долгий день.

Эмили в очередной раз мысленно поблагодарила Этту за то, что та приютила ее. В маленькой комнатке на втором этаже было тепло и уютно. Эмили упала на кровать, не в силах даже снять с себя платье, завернулась в плед и уснула. Ей снился кошмар: она тонула и никак не могла выбраться на поверхность, не могла закричать...

* * *

Бризбрук 1882 год.

Дневник Джека, смотрителя маяка.

“Я стою на палубе корабля, который должен вот-вот зайти в порт. После нескольких недель плавания хочется поскорее оказаться на суше: почувствовать запах цветов, аромат весеннего леса, хлеба, в конце концов. Надоело есть сухую рыбу. За эти дни я пропах ей насквозь. Путешествие на рыбацкой лодке было не лучшей идеей, но так я смог быстро добраться до места. Плату с меня никто не взял: я обещал парням, что буду полезен, и сдержал слово. Рыбацкие сети приходили с уловом, мы едва вытаскивали их вшестером. Руки покрылись волдырями и мозолями, но на щедрость моря грех жаловаться!

Мне предложили остаться в команде, обещали подыскать комнату на берегу и дать неплохое жалование. Но у меня уже есть работа. Буду зажигать лампы старого маяка, следить за оборудованием и постараюсь забыть весь этот кошмар.

Пока плохо получается. Решил вести дневник: успокаивает, да и память подводит после войны. Бумага сейчас надежнее, чем моя пустая голова, – пусть хранит воспоминания.

Сегодня мне снова приснился дурной сон. Думал, они останутся в Лондоне, но куда там. Я был среди песков, у форта Али-Масджид. Слышал взрывы и крики, видел, как тела моих друзей тонули в соленых лужах крови или сгорали дотла. Вонь, которая будет преследовать меня вечно: порох, смерть и отчаяние.

Я пытался жить. Думал, вернусь в Лондон и забуду. Но там на меня отовсюду смотрела война. Бывшие сослуживцы, раненые, свихнувшиеся герои... Мы бродили по улицам: искаленные, дергающиеся от резких звуков, с красными от бессонных ночей глазами. Нам снились наши товарищи, наши враги – все превращалось в огромное море крови, где плавали останки человеческих жизней. Повсюду гремели взрывы, мы умирали, но наши тела продолжали жить, каждую ночь возвращая нас в пустыню.

Родители смотрели на меня с жалостью. Это было невыносимо: хотелось сбежать, спрятаться и наконец-то обрести покой. Найти место, где война не являлась бы в каждом встречном.

Меня позвали. А, это Марк. Говорит, мы скоро причалим. С верхней палубы уже отчетливо виден берег. Что ж, путешествие подходит к концу. Наш корабль заходит в порт Бризбрука...”

Глава 4. Жертва

Эмили проснулась рано, еще до рассвета. Она не сразу поняла, где находится и почему решила лечь спать в платье. Промелькнула мысль о похищении, но пока она была не настолько влиятельной журналисткой, да и дорогу перейти никому не успела.

Глаза привыкли к полумраку: она увидела темные синие портьеры, закрывающие окна, необычные росписи на стенах, смешные фигурки, вырезанные то ли из дерева, то ли из рыбьих костей – в Бризбруке они были повсюду, местные реликвии рыбаков.

– Точно! Бризбрук!

Память и события предыдущего дня понемногу возвращались к Эмили. Девушка сладко потянулась: она выспалась, отдохнула и была готова к первому рабочему дню. Нужно было пораньше прийти в редакцию и проявить фотографии погибшей девушки, чтобы отнести их в участок. Гектор сказал, что на первом этаже рядом с прачечной они переоборудовали старый чулан под небольшую лабораторию – с реактивами, лампами и бумагой. Правда, все эти сокровища пока пылились без дела.

Эмили умылась, переделась, привела в порядок непослушные волосы и уже собиралась идти на работу, когда в дверь постучали.

– Да-да, входите!

На пороге комнаты стояла приятная молодая девушка с подносом в руках. Две тонкие тугие косички лежали на ее плечах, придавая задорный вид. Она улыбалась, а в смеющихся серых глазах читалось любопытство. На подносе у девушки был чай, булочки, масло и мед.

– Привет, меня зовут Хелена! Этта просила принести тебе завтрак.

– Привет, я Эмили. Заходи. Хочешь, вместе позавтракаем?

– О, нет, спасибо! У меня куча работы: сегодня день заказов, мы готовим рыбу, выпечку и развозим жителям Бризбрука. Там такие списки, что пришлось даже встать пораньше, чтобы все успеть.

– Ты давно работаешь у Этты?

– Сколько себя помню! У меня вся семья тут работает. Мы живем в Виндхерсте, а сюда приезжаем, чтобы помогать Генриетте в ресторанчике. Я люблю готовить, а Этта постоянно изобретает новые рецепты.

Хелена поставила поднос на стол.

– Угощайся! Булочки только из печки! Я побегу, а то заболтаюсь и точно ничего не успею.

– Спасибо большое! Надеюсь, еще увидимся!

Эмили тоже спешила, но решила, что может позволить себе позавтракать в тишине и почитать вчерашний выпуск «Новостей Бризбрука». Газета тоже была на подносе – Генриетта позаботилась и об этом.

Девушка быстро пробежала глазами по желтым страницам, но ничего не привлекло ее внимание: пару некрологов, фотография со свадьбы какой-то местной знаменитости, а остальное – море, рыбаки, невероятный улов. Еще была короткая заметка про разгром в таверне и анонс спектакля, который давала приезжая труппа в особняке Чарльза Бенинга.

– Ладно, будут вам новости!

Эмили быстро допила кофе, прихватила с собой булочки, фотоаппарат и спустилась вниз по лестнице, ведущей на задний двор. Она заметила, что на кухне ресторанчика кипела жизнь. Женщины в белоснежных передниках месили тесто, нарезали овощи, чистили рыбу, болтали, смеялись. Среди них была и Хелена. Она увидела Эмили и помахала рукой. Девушка помахала в ответ и направилась в редакцию. Сегодня ей определенно нравилось в Бризбруке!

Эмили пыталась отчетливо вспомнить сцену, которую снимала вчера на причале. Труп девушки, спутанные рыжие волосы... Но все было как в тумане. Ужас от увиденного оказался настолько сильным, что воспоминания почти стерлись. Оставалось надеяться, что фотографии получились.

– Угощайся! – Клара заварила кофе и достала несколько шоколадных конфет.

Жозефа не было. Видимо, он отправился в таверну, чтобы послушать, о чем сегодня сплетничали жители городка.

– Спасибо, у меня тоже есть чем поделиться.

Эмили выложила на стол булочки, которые прихватила из дома, и заварила себе кофе. Нужно было подождать, пока фотографии высохнут, а Клара оказалась неплохим собеседником.

Мисс Дотт переехала в Бризбрук больше десяти лет назад и хорошо изучила нравы местных обитателей. Их жизнь сводилась к рыбалке, портвейну и любовным приключениям, которые обычно заканчивались дракой или скандалом. Будни рыбаков – их тут было большинство. Конечно, богачей в Бризбруке тоже хватало, но они держались отстраненно, в своем закрытом кругу, подальше от грязных улочек и рыночной площади. Лишь прислуга разносила по городку сплетни о жизни своих хозяев.

Вообще, богачи в городке были явлением сезонным. Они появлялись в Бризбруке ближе к лету: у причалов швартовались красивые яхты с белоснежными парусами, а местные моряки могли неплохо заработать, развлекавая приезжих круизами и рыбалкой. Осенью красивая жизнь затухала, и Бризбрук вновь погружался в свои серые будни.

– Так ты и правда племянница Генриетты?

Эмили раздумывала, стоит ли говорить Кларе правду.

– Ладно, можешь не отвечать. Но эта женщина – местная легенда.

– Генриетта уверена, что в городке ее считают ведьмой.

– Думаю, тут считают ведьмой любую женщину, которая хоть немного успешнее мужчины. А миссис Берл – королева Виндхерста.

– Она говорила, что живет в деревушке на острове.

– Остров принадлежит ей. Это частная собственность, попасть в Виндхерст можно только по личному приглашению Этты.

– Ничего себе! К чему такие порядки?

Клара пожала плечами:

– Да кто его знает. Жители общины частенько приезжают в Бризбрук: привозят на рынок овощи, рыбу, торгуют в лавочках цветами и мылом. Миротлюбивые, работающие люди. Никогда не видела, чтобы они пили в тавернах или дрались с кем-то. Говорят, на острове суровые порядки, но всяко лучше, чем видеть эти пьяные рыбацкие рожи.

– Но откуда у Этты такое влияние в Бризбруке? Вряд ли все просто сходят с ума по ее пирогам.

– Не все члены общины живут на острове. Их люди работают в полиции, имеют связи в адмиралтействе и городском совете. Этта вхожа в дома богачей, ей доверяют тайны, просят о помощи. Она может свести с нужными людьми, замолвить словечко, договориться о встрече, которая никогда бы не состоялась. Думаю, однажды мы узнаем, что весь Бризбрук уже давно принадлежит ей. Паук плетет свою паутину...

– А ты никогда не была на острове? Туда прям невозможно попасть?

– Да нет, местные устраивают праздники, ярмарки, и тогда ворота деревушки открыты для гостей. Но я так и не добралась, хотя, признаюсь, любопытно посмотреть, как они там живут.

Эмили допила кофе и пошла проверить фотографии. Изображение на бумаге наконец-то стало четким. Можно было вынести снимки на свет и внимательно изучить.

– Есть что-то интересное?

Эмили устроилась за столиком напротив Клары и разложила фотографии.

– Пока не знаю...

Девушка почувствовала, как ее вновь охватывает паника, к горлу подступала тошнота. На снимках был четко виден скелет девушки с рваными остатками плоти.

– А это еще что?

Клара подошла ближе и наклонилась над столом, изучая снимок.

– Ты про водоросли в ее волосах?

– Нет, смотри: вчера мне показалось, что это мусор. Как будто что-то запуталось, пока труп лежал в воде. Но это больше напоминает... венок? Череп рыбы нарочно вплетен в волосы: вот тут видно, что лента с костями обмотана вокруг головы.

Эмили провела пальцем вдоль черепа девушки. Теперь и Клара увидела, что ее голову украшала странная корона или венок, сплетенный из прутьев и рыбьих костей.

– Украшение?

– Скорее что-то ритуальное. Кто захочет надевать на себя рыбий череп?

– Ну, в Бризбруке полно таких украшений: подвески, браслеты. Хотя венок действительно выглядит жутко.

Эмили перебирала фотографии, но больше ничего интересного не замечала.

– Думаешь, она утопилась? – последняя надежда Эмили на то, что это дело стоит внимания, растворилась.

– Может, и так. Сошла с ума, нарядилась – и в воду.

Клара потеряла интерес к фотографиям и вернулась за свой столик, застучала по клавишам печатной машинки. Эмили собрала фото и уже хотела положить их в сумку, как вдруг поняла, что ее смущало. Еще вчера, на причале, она интуитивно понимала, что это не самоубийство.

– Ее руки связаны...

То, что Эмили приняла за необычные браслеты, на самом деле было колючей проволокой и веревками, обматывающими кисти девушки. Ее руки были связаны за спиной. Кусок веревки спускался вниз, он был оборван. Видимо, к нему был прикреплен груз! А это означало, что девушке помогли поконить с жизнью!

– Я в полицию!

Клара кивнула, не отрывая глаз от печатной машинки. А Эмили выскочила из редакции и побежала на соседнюю улицу, где располагался полицейский участок Бризбрука. Нужно было рассказать Шерхоллу о находке!

* * *

Виндхерст 1851 год.

Графство Девоншир, Англия.

Я положила несколько протухших рыбин в мешок и открыла дверь, чтобы выйти из дома. Ржавые петли скрипнули, заставив меня вздрогнуть, но, услышав позади храп, я поняла, что папаша заснул.

В лицо ударил свежий морской воздух. Жадно глотая его, я поплелась босиком по улочкам – в магазинчик Сальмы. Шел дождь, размывая и без того грязные дороги Виндхерста. Но я любила выбираться из дома. Когда отец был в море или отсыпался после пьянки, я была предоставлена самой себе. Я знала все закоулки городка, тропинки, ведущие к морю, пещеры в бухте у Мертвого пляжа.

Пляжа там и не было – только голые острые скалы и черные камни, которые торчали прямо из воды. В шторм туда выносило лодки, обломки кораблей, посиневшие тела утопленников. Но обычно там было тихо и безмятежно – мое убежище, подальше от людей.

Люди меня пугали. Не Фрэнк. Папаша был свой, привычный. Он бил, орал, бил меня, потом отсыпался и, если его не мучило похмелье, мог даже погладить по спутанным волосам или притащить пару конфет. Я знала, что если Сальма будет визжать ночью, мне достанется старое платье одной из ее дочек.

Я не любила наряды, но мои изнашивались до дыр. Грязные и вонючие, они привлекали внимание. Внимание было опасным. На меня смотрели, тыкали пальцем, били палками, прогоняли с улицы.

Самыми жестокими были местные дети. Поэтому обычно я выбиралась из дома рано утром или поздно вечером, когда мамыши загоняли их домой. Но сегодня мне надо было выйти среди бела дня в город и добраться до Сальмы.

Я сделала вдох и свернула на узкую улочку, где обычно никого не было. Только облезлые коты лазили по помойным ямам в поисках еды. Потом я должна была свернуть направо и перелезть через стену, чтобы оказаться как раз на заднем дворе у Сальмы. Идти через городскую площадь выглядело слишком рискованным.

Я почти добралась до места: вон труба, смолящая черным дымом, вон крыша со сломанной от ветра черепицей. Еще немного – и я смогу отдать Сальме мешок, а потом отправиться на пляж. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

Я побежала. Шаг, еще шаг – вот и выступ в стене. Я поставила ногу, потом вторую, слабые пальцы нащупали камень, за который можно было ухватиться, как вдруг позади раздался топот и тяжелое дыхание.

Я испуганно обернулась – прямо ко мне бежали мальчишки. Я попыталась закинуть ногу на стену, но старая кладка под моими пальцами осыпалась, и я упала на землю. Спина заныла от боли.

Тодд Мор стоял прямо надо мной и тыкал палкой:

– Эй, уродина, вставай! Че разлеглась?! Ща поиграем с тобой. Ты же рада, что у тебя теперь будут друзья?

Тодд заржал, а за ним и все остальные.

– Так че, рада?!

– Рада...

– Ну вот, а говорили, совсем тупица!

Холодок пробежал по спине. До этого я только изредка сталкивалась с Тоддом и компанией. Долгие месяцы мне удавалось прятаться от них, но теперь я боялась даже представить, что меня ждет.

Я села. Попыталась повернуть голову, чтобы понять, получится ли сбежать, но меня тут же ударил палкой толстяк Бейн, лучший друг Тодда. С соседних улочек подтягивались еще дети. Они свистели, смеялись. Их глаза горели, предвкушая развлечение...

– Мне нужно отнести рыбу... – я сделала робкую попытку заговорить, но вызвала только новый взрыв хохота.

– Конечно, глупая! Ты все отнесешь, но сначала...

Тодд важно смотрел на мальчишек, пытаясь решить, что за игру выбрать. Как вдруг его лицо растянулось в кривой улыбке:

– Мы тебя немного принарядим! Нельзя же идти в гости в таком виде!

– Ага, у нее и наряд с собой! – толстяк пнул мешок с рыбой, и снова все заржали.

Тодд ударил меня палкой.

– Вставай-ка и топай за нами. Надумаешь сбежать – убью, слышала?

Я кивнула и послушно поплелась следом.

Тодд и остальные пинали меня палками, кидали камнями, подгоняя к старой, прогнившей насквозь хижине. Рыжий мальчишка со сломанным носом отломал доску в заборе и силой впихнул меня внутрь. Я сжала зубы: обломки расцарапали плечи, оставив глубоко под кожей занозы.

Меня затолкали в дом и усадили на пол. Тодд вытащил из кармана маленький ножик и показал остальным:

– Во! Ща мы ее пострижем, а то мамка говорит, что у убогой вши!

Он дернул меня за волосы и занес нож. Я зажмурилась: боль была невыносимой. Мальчишки драли мои волосы, передавая друг другу ножик или просто вырывая клочья.

Тут я почувствовала, что меня окатили чем-то липким и вязким.

– Это ванна, а то ты воняешь!

– Ага, немного помоев для королевы тухлятины!

Липкая грязь стекала по моим волосам, рваному платью и рукам, которые саднили от ран. Но внутри вновь просыпалось то необыкновенное чувство. Я даже на секунду отключилась, забыла о мальчишках, лелея в себе растущую ненависть. Я позволила ей течь по жилам, заполняя пустоту внутри и смазывая раны.

Из колючих веток Тодд приказал смастерить венок и всунул туда тухлые рыбы головы, распотрошив мой мешок. Они с силой натянули его мне на голову, оставив порезы на лбу. Острые шипы сухоцветов впились в кожу.

Начался дождь. Мальчишки вытащили меня из дома, ведя за веревку, которую завязали на шее. Они направлялись на площадь. Я знала, что там, в церкви, идет служба, поэтому все взрослые будут внутри. Я съезжилась от мысли, что они *увидят меня*, когда выйдут...

Глава 5. Полиция Бризбрука

В участке было полно народа: все шумели, скандалили, что-то выясняли. Дежурные пытались немного уговорить толпу, но получалось плохо. Эмили спросила, где она может найти Иэна или комиссара Шерхолла. Ей указали на кабинет в самом конце коридора. Кое-как пробравшись сквозь толпу, Эмили почувствовала облегчение, когда дверь захлопнулась и она оказалась в небольшом темном помещении, заставленном шкафами. Иэн сидел за столом и что-то писал. Его было почти не видно за огромными стопками бумаг, небрежно разбросанных по кабинету. В полиции Бризбрука дела никогда не заканчивались.

Констебль улыбнулся, увидев Эмили, поднялся и подвинул стул, предлагая присесть.

– Привет, у вас тут, конечно, весело! Столько людей!

Иэн пожал плечами:

– Местным всегда есть на что жаловаться. В основном они ругаются с соседями или заявляют, что их ограбили. А потом оказывается, что они проигрались в карты и к утру благополучно об этом забыли.

– Увлекательная у тебя работа.

– Я не жалуюсь. Рыбак из меня никудышный, тут хоть какую-то пользу приношу.

– А я приношу фотографии! – Эмили достала из сумки снимки и разложила их перед Иэном. – Кажется, вы ошиблись насчет утопленницы...

Девушка принялась взволнованно рассказывать констеблю все, что ей удалось заметить на фото:

– Понимаешь?! Ее связали и отправили на корм рыбам. Я думаю, девушка могла быть жива...

– Это ты тоже увидела на снимках?

Эмили игнорировала сарказм в голосе парня.

– Нет, это только мои догадки. Но кто будет наряжать и связывать мертвеца?! Короче, я уверена: это убийство!

– Что тут происходит?

В кабинете появился Шерхолл, он точно слышал конец пламенной речи Эмили, и его лицо уже наливалось кровью от злости.

– Черт бы побрал вас репортеров! Дернуло меня пустить бабу на причал!

– Не понимаю, почему вы злитесь?

Эмили считала, что проделала большую работу и могла рассчитывать как минимум на вежливый тон полицейского.

– Кричит тут про убийство! А я думаю, чего толпа в коридоре стихла. Констебль Бриггс, – комиссар обращался к Иэну, – почему вы это не прекратите?!

– Шеф, думаю, вам стоит взглянуть на фото...

Шерхолл со скучающим видом пробежал по снимкам, упрямо не замечая ничего из того, о чем говорила Эмили.

– Я уже сделал выводы. Наша русалка утонула. Говорят, у Саманты как раз пропала рыжая девчонка, которая работала на улице. Пила много, опиум курила, вот, видимо, и не рассчитала силы. Сегодня ее опознают.

– Но посмотрите на руки...

– Я поговорил с судебным медиком. Майлз тоже считает, что рыбаки поймали утопленницу. Не думаю, что ваши умозаключения будут кому-нибудь интересны, мисс. Спасибо за помощь! Фотографии мы оставим. А уж что написать в своей газетенке, сами решите. Гектор большой любитель сказок!

Шерхолл взял снимки и закинул их в ящик стола.

Внутри Эмили все кипело от злости:

– Да вы просто слепой! Девушку убили, а вы хотите побыстрее закрыть дело и сделать из нее самоубийцу?! Эта смерть останется на вашей совести!

– Бриггс, выведи ее на улицу, пока я не упрятал дамочку за решетку. А вам бы посоветовал держать язык за зубами: в Бризбруке таких не любят.

– Каких «таких»? Тех, кто умеет думать и замечать очевидное?

– Тех, кто считает себя умнее других. Убирайтесь.

Иэн открыл дверь, пропуская Эмили вперед. Он попытался взять девушку за руку, чтобы орущая толпа случайно не толкнула ее, но та вырвалась и бросилась прочь из участка.

– Стой! Да стой же ты!

Иэн схватил Эмили за плечо, как раз когда она собиралась выскочить на дорогу, прямо под колеса мчащегося кэба.

– Отпусти меня! Это какое-то безумие! Твой Шерхолл... Придурок! Ты же сам все видел?!

– Я не уверен...

– Ясно. Выходит, не только рыбак из тебя никудышный.

– Да не кричи ты так, все смотрят.

– Ничего себе – смотрят! Может, хоть кто-то обратит внимание на смерть бедной девушки! У вас в городе убийца, любитель каких-то странных ритуалов или просто ненормальный. Что если это не единственная жертва? Что если будут другие?

– Я тоже об этом думаю, поверь, но стараюсь не спешить с выводами. Давай я приду вечером к Этте, и мы все обсудим?

– Обсудим что?

– Ну, я же понимаю, что ты так просто не успокоишься и наверняка начнешь собственное расследование. Я не хочу, чтобы ты горячилась и нажила себе неприятности. Поэтому предлагаю еще раз просмотреть фотографии и обсудить, что мы можем сделать.

Эмили выдохнула: она была благодарна Иэну за то, что он согласился помочь. Конечно, она не собиралась просто засунуть эту историю в пыльный ящик, как это сделал Шерхолл, но пока плохо представляла, что может сделать одна. Теперь их было двое, а значит, и шанс добраться до правды...

Эмили подошла к дому, когда заметила у крыльца Генриетту. Она болтала с Хеленой и другими женщинами, которые сегодня помогали на кухне.

– Как прошел день? Всех накормили пирогами?

Этта засмеялась:

– И пирогами, и устрицами, и копченостями. Кажется, ближайшие пару дней я не смогу смотреть на рыбу.

Женщины попрощались и направились к причалам. Туда должен был прибыть паром, который каждый вечер отвозил жителей Виндхерста домой. Генриетта решила заночевать в Бризбруке: перебрать счета, проверить оплату. Хозяйка ресторанички выглядела уставшей.

– Этта, мне кажется, вам нужно отдохнуть.

– Только не это! Иначе я состарюсь и умру. Нельзя расслабляться в моем почтенном возрасте и позволять себе давать слабину. К тому же ты у меня в гостях.

– Кстати, о гостях. Вы не возражаете, если сегодня ко мне заглянет Иэн?

Этта лукаво подмигнула Эмили:

– Так быстро все завертелось?

– Нет, у нас чисто деловые отношения!

– Ну, признаться, до тебя никому не удалось завязать с ним даже деловые отношения!

– Понимаете, в порту кое-что случилось. Иэн обещал помочь...

Этта посмотрела по сторонам, словно проверяя, не подслушивают ли их:

– Пойдем в дом. Обсудим все внутри.

Эмили успела пересказать Этте все события прошедшего дня, как раз когда появился Иэн. Парень сменил форму констебля на широкие темные брюки и легкую льняную рубашку. Эмили понимала, почему девушки Бризбрука были не прочь завязать отношения с этим парнем: высокий, смуглый, красивый – он точно нравился женщинам. Но Иэн словно не замечал этого. Он казался сдержанным и равнодушным. Лишь иногда Эмили удавалось поймать улыбку в его карих глазах, в уголках губ...

Генриетта заварила чай, принесла печенье. Они втроем собрались за большим столом в комнате хозяйки и пересматривали фотографии. Первой заговорила Этта:

– Вы должны найти убийцу.

– Генриетта, и ты туда же! Пока ничего непонятно.

– Понятно, что кроме нас никому не интересна судьба этой девушки. Мы даже не знаем, кто она. Что если Шерхолл ошибается?

Иэн вздохнул, но, кажется, смирился с тем, что ему придется провести немало дней, оберегая безумную мисс Уоттс от возможных проблем. Хотя ему чертовски нравилась эта идея. Он знал, что Эмили была права, что на фотографии были доказательства того, что смерть девушки не случайна, что кто-то помог ей лишиться жизни. Но в силу своей осторожности Иэн предпочитал не делать поспешных выводов.

– Давайте подумаем, с чего мы можем начать.

– Надо выяснить, кто она. Только так мы поймем, что с ней случилось и кто может быть причастен к ее смерти.

Генриетта вздохнула:

– К сожалению, рыжие волосы в Бризбруке не самая редкая примета. А украшения из рыбьих костей действительно есть у каждого. В Виндхерсте их мастерят даже дети.

– Смотрите! – Эмили указала на фотографию, где были засняты связанные руки девушки. – Кажется, у нее на пальце кольцо!

– Хм... Майлз сказал, что у погибшей не было никаких украшений. Придется побеседовать с ним еще раз.

– Неужели ваш патологоанатом снял кольцо с мертвой девушки, чтобы... продать?

– Все возможно. К сожалению, Эмили, не все полицейские Бризбрука – хорошие ребята. Некоторые просто делают работу, за которую никто больше не берется. Видимо, Майлз считал, что кольцо компенсирует издержки его профессии.

Иэн замолчал.

– Я убью его.

Этта погладила парня по плечу:

– Хорошие ребята все-таки есть в полиции Бризбрука. Не горячись. Думаю, что Майлз не успел ничего сделать с кольцом, а если и так, мы точно найдем его в одном из ломбардов.

Иэн поднялся с кресла, кивнул Генриетте и поблагодарил за чай.

– Значит, решили. Я попытаюсь узнать о судьбе кольца. Надеюсь, Шерхолл не догадается, что я расследую что-то за его спиной.

– А потом попробуем найти хозяйку украшения!

Генриетта улыбнулась, глядя на Иэна и Эмили. Все-таки жизнь удивительная штука: она сводит людей, таких далеких, непохожих, но явно созданных друг для друга, и бросает их в объятия смерти.

История повторилась...

* * *

Бризбрук 1882 год.

Дневник Джека, смотрителя маяка.

“Я попрощался с парнями и сошел на берег. Чувствовать под ногами землю уже роскошь, да и сам Бризбрук оказался вполне сносным местечком. Маленькие домики на берегу, рыбацкие хижины на сваях, лодки, заваленные снастями, – такое мне по душе.

Мужчины важно прохаживаются по скрипучим деревянным настилам, разбирают ящики, складывают сети. Женщины не боятся замарать длинные юбки и блузы, украшенные вышивкой. Они болтают, спорят, перебирают рыбу. Жизнь течет размеренно и однообразно. Это совсем не похоже на безумный, вечно бегущий куда-то Лондон, с лоцеными фраками и сверкающими диадемами. Мне по душе Бризбрук. Дышит тут свободно и легко – такую свободу может дать только море. Надеюсь, оно залечит мои раны...

Марк и остальные отправились на рынок, чтобы продать свежий улов, а потом спустить все заработанное в таверне. Они несколько недель были в море и заслужили немного земных удовольствий. Я пока не так истосковался по женским ласкам, поэтому решил найти кэб и добраться до маяка.

Я заметил несколько экипажей, которые встречали приезжих неподалеку от порта. Кэбмены собрались вместе, курили крепкий табак и обсуждали новости. Судя по тому, что я услышал: у старины Дага сдохла кобыла, все были уверены, что ее отравили. Даг проигрался в карты, а долги возвращать не спешил. Вот его и наказали. На меня кэбмены даже не обернулись. Видимо, скромный внешний вид и потрепанные чемоданы намекали, что я вряд ли смогу щедро заплатить за поездку.

Я решил хотя бы спросить дорогу. Оказалось, топтать к маяку придется пару часов. Но тут ко мне подошел крепкий темнокожий парень. Его зовут Ноа. Сказал, ему по пути, и согласился подбросить.

Я закинул вещи в кэб, Ноа свистнул лошадям, и они медленно поплелись по размытым дорогам к холму, на котором вскоре показался одинокий серый маяк.

По пути Ноа рассказал мне про Бризбрук, местные привычки и суровые будни рыбаков. Жизнь здесь сложнее, чем кажется. Многим приходится выбираться из нищеты, выбивать лучший кусок. Поэтому тут редко думают о приличиях. Люди жестоки и озлоблены. Голод толкает их на преступления. Эмоции притупляются, а хорошая выпивка становится едва ли не единственной радостью.

Не сказать, что меня пугают его рассказы. Я давно не строю иллюзий насчет людей, поэтому и мечтаю оказаться подальше от них. Я прошел войну. Неужели в этой английской глуши есть что-то, способное вызвать во мне ужас?!

Мы быстро добрались до места, я попрощался с Ноа и отправился осматривать владения. Мечта отшельника! Одинокий маяк возвышается на холме, наблюдая свысока за Бризбруком. Вокруг царит спокойствие, которое время от времени нарушают крики чаек и шум прибоя. Ветер завывает в скалистом ущелье, спрятанном от посторонних глаз у подножия холма. С вершины открывается потрясающий вид на залив.

Словно оазис среди водной пустыни, вдалеке от берега виднеется остров. Это Виндхерст. С берегом его связывает небольшая полоска суши, которую затапливает приливом. Ноа живет там в общине, куда попал еще мальчишкой. Частная территория, выкупленная семьей Берл много лет назад. Они отстроили пепелище, оставшееся после пожара, и дали приют тем, кто в этом нуждался.

Я заметил, что Ноа меняется каждый раз, когда говорит про общину. Его переполняют любовь, трепет, восхищение. Кажется, он готов задушить каждого, кто посмеет бросить камень в сторону Виндхерста.

Ноа рассказал, что община живет обособленно. На остров изредка ходят паромы и лодки. Жители приезжают в Бризбрук за товарами, но ровно в девять ворота Виндхерста закрываются. В общине уверены, что чужаки несут зло и разрушения. Бризбрук, как и весь остальной мир, опасен и полон жестокости. Здесь, на большой земле, они уязвимы, а в Виндхерсте оберегают друг друга. Только там они в безопасности. Необычно слышать это от двухметрового громилы, но у каждого свои страхи.

Ноа пригласил меня на остров. Члены общины часто устраивают праздники, проводят древние ритуалы, приносят дары морю. Тогда ворота Виндхерста надолго остаются открытыми. Виндхерст не рай на земле, он не утопает в роскоши и изобилии, но еда и крыша над головой есть всегда – разве не это главное? А еще Виндхерст – это семья...

Мальчишкой Ноа украли из дома и привезли в Бризбрук, чтобы продавать на уличных боях. Маленький, темнокожий, он был диковинкой. Публика охотно делала ставки. Бои были кровавые, жестокие, они превратили его в чудовище, которое умело только защищаться и убивать. Но появились люди из общины и забрали его, раненого, озлобленного. Они привезли Ноа на остров. Тогда ему едва исполнилось пятнадцать. Там для него нашлась семья. Ушли годы, чтобы Ноа перестал носить в кармане камни в ожидании нападения. Но его просто любили...

Я благодарен Ноа за то, что он доверил мне свою историю. Наверное, я понимаю его, как никто другой. Я чувствую, что тоже нуждаюсь в этом: не в снисхождении, которое видел в родительских глазах, не в жалости любимой женичины, а в искреннем, безусловном принятии. И если для этого нужно ровно в девять закрывать ворота, то почему бы и нет..."

Глава 6. Саманта

Эмили договорилась встретиться с Иэном ближе к обеду на рыночной площади. Был выходной, но парень заступал на дежурство, поэтому не мог уйти из участка раньше. Да и Майлз должен был зайти с утра, чтобы подписать несколько заключений о смерти. Иэн надеялся расспросить судебного медика про кольцо.

Девушка не смогла усидеть дома. Она бродила по городу, изучая местные достопримечательности. Эмили успела прогуляться по лавочкам, полакомиться шоколадными пряниками и даже выбрать подарок для Этты: небольшую механическую шкатулку с танцующей фигуркой сверху. Потом поболтала с Хеленой, которая сегодня помогала маме на рынке: из Виндхерста привезли красивую глиняную посуду на продажу. Пришлось и там немного потратиться, зато теперь Эмили могла пить кофе из симпатичных голубых чашечек с цветочными узорами. Дикая голубые орхидеи! Такие росли только в Виндхерсте.

Маму Хелены звали Марга. Несмотря на то, что у нее не было одной руки, она ловко управлялась с товарами: заворачивала купленные горшочки и тарелочки в бумагу, пересчитывала фунтовые бумажки. Она была молчалива и сосредоточена на работе, а когда Хелена представила ей Эмили, лишь грустно улыбнулась и отвела взгляд.

Часы на площади пробили полдень.

– Так, осталось понять, где искать Иэна.

Но это оказалось несложно. Иэн уже ждал Эмили на углу Трейд-стрит. Она заметила, что ворот его рубахи был слегка порван, а костяшки на пальцах правой руки покрыты ссадинами. Видимо, диалог с судебным медиком прошел не очень дружелюбно.

– Бывает, – Иэн спрятал руку в карман, заметив, что Эмили изучает его царапины. – С некоторыми иначе не договориться.

– У тебя не будет проблем на работе? – Эмили не хотела, чтобы Иэн из-за нее нажил себе неприятности, учитывая, что разборки внутри полиции Бризбрука были не менее жестокими, чем на улицах города.

– У меня всегда проблемы на работе! Работа такая, – Иэн усмехнулся, но ему было приятно беспокойство Эмили. Она нравилась ему: умная, смешная, вспыльчивая и очень упрямая. Мисс Уоттс наотрез отказывалась принимать правила жизни Бризбрука.

– Я испачкалась? – Эмили попыталась вытереть щеку, не понимая, почему Иэн уставился на нее. – Не стоило есть те шоколадные пряники.

– Все в порядке, не переживай.

Эмили на всякий случай еще раз вытерла щеку рукой.

– Майлз отдал тебе кольцо?

– К сожалению, нет. Сказал, что вчера расплатился им в трактире «Толстая рыбеха». Якобы ему не хватало на выпивку.

– Он точно не врет?

– Уверен, что врет. Но только про выпивку. Майлз большой любитель дамских ласк, несмотря на то что дома у него жена и трое детей. Так что кольцом он мог расплатиться, но не за джин. Одна из девчонок Саманты наверняка соблазнилась на драгоценность. Вчера их как раз видели в таверне. Пойдем, проститутки снимают комнаты у Бена, хозяина «Толстой рыбехи», и сейчас отсыплются после бурной пьянки. Если поторопимся, застанем кого-то из них и сможем узнать про кольцо.

Эмили кивнула:

– Показывай, куда идти. Я пока не обошла все значные места Бризбрука.

– Придется прогуляться на окраину, в Даскерс. Район не самый благополучный: шлюхи, воры, скупщики краденого, бомжи, так что не отставай и сильно не умничай. Иногда лучше держать рот на замке. А фотоаппарат тем более: не вздумай ничего снимать!

– Сурово. А полицейским там точно рады?

– Я вырос в Даскерсе, так что они считают меня своим. Я их не трогаю, они стараются не наживать проблем. Не бойся, днем там не так опасно. Все спят. К тому же за Беном должок.

Дорога в Даскерс начиналась от порта и вела вдоль побережья в мрачный бедный квартал. Здесь было грязно, отовсюду воняло тухлой рыбой и отходами. Прямо на земле спали люди: заросшие, грязные, рядом с ними копошились крысы, коты. Для Эмили это был новый мир. Она выросла в Лондоне, в маленьком домике бабушки и дедушки, где за окном был сад, а по утрам пели птицы. Конечно, она видела нищих, бездомных, они бродили по улицам в поисках еды и наживы. Но чтобы так... Настоящая свалка людей.

На них с Иэном обращали внимание, особенно на Эмили. Кто-то облизывался ей вслед, показывал непристойные жесты или просто стягивал штаны, чтобы помочиться прямо у нее на глазах. Она чувствовала себя дичью, кроликом среди волков, которые ждали сигнала, чтобы напасть.

Эмили взяла Иэна за руку и почувствовала, как он крепко сжал ее ладонь. Вторую руку парень держал на кобуре, давая понять, что нападать – плохая идея. Так они добрались до таверны со старой обшарпанной вывеской «Толстая рыба». Рядом валялись спящие – посреди разбитых бутылок, объедков и блевотины. Они не реагировали на вопросы и крики, поэтому, с трудом переступая через грязные тела, Иэн и Эмили зашли в таверну.

Картина внутри была примерно такой же. Все отсыпались после бурной ночи. Иэн сразу заметил Бена, владельца, который тоже прилег на лавку, чтобы вздремнуть. Похоже, вчера он изрядно накидался и растолкать его оказалось непросто.

Иэн взял ведро с водой, которое стояло у дальней стены. Видимо, кто-то все-таки планировал убраться в таверне перед новой порцией веселья. Он подошел к Бену и выплеснул на него содержимое. Хозяин таверны вздрогнул, выругался, но наконец-то проснулся. Он хотел наброситься с кулаками на того, кто посмел нарушить его сон, но увидел перед собой Иэна, а потом и Эмили.

Бен не понимал, что происходит. Но пока он не решил, что это сон, и снова не вернулся на лавку, Иэн рассказал ему, зачем пришел.

– Бен, извини, что потревожил, но дело срочное. У нас тут колечко пропало, надо бы вернуть. Оно принадлежит одному важному парню, и тот очень расстроится, если узнает, что кольцо у тебя.

– Какое, нахрен, кольцо, Иэн? У меня тут ювелирка или ломбард? Мы честные люди: гуляем, веселимся, никого не трогаем. И не воруем, между прочим.

– Майлз сказал, что вчера заплатил тебе за выпивку золотым кольцом с камнем.

– Майлз? Трупник твой? Да он купит пинту пива, а потом весь вечер водой разбавляет – с чего бы он стал раскошелиться? Иэн, ты же знаешь, что он сюда приходит, чтобы член прису... Простите, мисс.

Бен элегантно поклонился Эмили.

– Все в порядке, я догадываюсь, зачем снимают шлюх.

– А она неплоха! – Бен кивнул Иэну в сторону Эмили. – Может, к нам? Саманта будет рада новой девчонке. Ты, смотри, чистая, пахнешь приятно...

– Губу закатай. Так что там Майлз?

– Если твой трупник с кем-то и расплатился кольцом, то с одной из этих. Девки всю ночь с ним развлекались, а женушка вряд ли ему столько денег дала. И за сиську подержаться не хватило бы!

– Саманта еще тут, наверху?

– Да вроде. Я ж не слежу за ними. Собиралась заехать на пару дней. Может, сама трупника обслужила. Говоришь же, что колечко золотое...

– Хорошо, спасибо, мы поднимемся к ней ненадолго, а потом уберемся. Но если я узнаю, что ты мне соврал...

– Обижаешь! Только давай быстрее, не маячь тут, и так слухи пошли, что я с полицейскими дружбу вожу. Как бы таверну не подожгли.

– По рукам. Эмили, пойдем наверх.

– Всего доброго!

Эмили вежливо улыбнулась Бену, но увидела похотливое желание на его лице, капающую на грязную рубашу слюну. Девушке стало не по себе, и она поспешила следом за Иэном, который уже поднимался на второй этаж.

– А ты неплохо тут ориентируешься! Часто приходится беседовать с Самантой?

Эмили хотела подколоть констебля, но не ожидала, что за этим последует.

– Саманта – моя сестра...

В комнате на втором этаже было душно и накурено. Саманта сидела на кровати с сигаретой в зубах и пыталась привести себя в порядок. Она была действительно похожа на Иэна: смуглая, с черными как смоль волосами, темными карими глазами. По лицу были размазаны остатки косметики, но, тем не менее, Саманта была красивой. Что-то манящие скрывалось в ее чертах: необычный разрез глаз, пухлые губы – мужчины наверняка готовы были щедро платить за ночь с ней.

– Привет, братишка. Не ожидала тебя здесь увидеть, да еще в такую рань.

– Привет, Саманта. Я по делу.

– А девчонку зачем привел?

– Меня зовут Эмили, мы коллеги.

Саманта громко рассмеялась:

– Коллеги? Да Шерхолл скорее разобьет себе голову молотком...

– Эмили – журналистка, она работает у Гектора, помогает мне разобраться с одним дельцем.

– Выкладывай и уходи, а то Бен вычтет с меня твой визит. Распугаешь ему всех клиентов.

– Ты за его клиентов беспокоишься или за своих?

– Черт, Иэн! Говори, зачем пришел.

– Вчера вечером Майлз, наш патологоанатом, был здесь и развлекался с одной из твоих девиц. Он расплатился с ней золотым кольцом. Придется вернуть.

– Вот же идиотки!

Саманта выплюнула сигарету прямо на пол, встала с кровати и вышла в коридор. Через пару минут она вернулась и затолкала в комнату тучную высокую девушку, которой на вид было лет шестнадцать. Редкие русые волосы спутались в кучья, помада была размазана по лицу, а яркие румяна делали ее похожей на жуткую куклу. Линдси была сонная, пьяная и плохо понимала, что происходит.

– Линдси, садись и выкладывай, о каком таком дорогом кольце говорят эти уважаемые господа?

Девушка послушно села на кровать. Сознание возвращалось к ней: теперь Линдси выглядела испуганной.

– Я не...

– Ты же всю ночь развлекала этого трупника? А мне всего двадцатку отдала: сказала, что он тебя кинул и смылся.

Линдси заерзала на кровати.

– Старый хрен! Боялась, что сердечко не выдержит, а нет: отымел меня как следует. Стояк у него что надо: всю ночь кувыркались. Я решила, что кольцо – подарок за мои старания.

Эмили чувствовала, как щеки наливаются краской.

– Иэн, да твоя подружка, похоже, девственница! – Саманта закатила глаза. – Ничего себе, вот это ты в лотерейку выиграл.

– Мы правда коллеги.

– А мы – брат и сестра?

Саманта подошла ближе к Иэну и провела пальцами по вороту его рубашки. Парень сделал шаг назад. Между ними чувствовалось напряжение, но Эмили не хотела знать, что могло скрываться за многозначительным взглядом Саманты...

Сестра Иэна резко обернулась к Линдси:

– Я же говорила: не брать никаких украшений у клиентов! Теперь тебя посадят за воровство: Майлз заявил, что ты украла колечко.

– Да заберите его! Извращенец хренов!

Линдси достала кольцо, бросила Саманте и выскочила из комнаты. Девушка ловко подхватила украшение и протянула Иэну.

– Вопрос решен?

– Майлз не заявлял на вас. Кольцо засветилось в другом деле. Так что верну через пару дней. Держи, надеюсь, это покроет издержки.

Иэн вытащил из кармана купюры и бросил их на кровать.

– Забери, не нуждаюсь в твоих подачках. Лучше купи бутылку вина и покажи своей красотке, на что способен.

Эмили забрала кольцо из рук Иэна: большой перстень с янтарем в золотой оправе. Не сказать, что украшение было изящным или безумно дорогим.

– Иэн, смотри, тут какой-то знак или рисунок.

Эмили заметила на внутренней стороне кольца небольшой оттиск в виде цветка.

– Похоже на лилию... Не представляю, что это может значить.

Иэн и Эмили подняли глаза на Саманту, как будто надеясь, что она поможет им разгадать эту тайну.

– Че уставились? Не знаю я, что это такое. Но ювелирку в Бризбруке продают только двое, так что вы быстро найдете мастера.

– Хорошо, спасибо, Саманта. Кольцо принесу.

Эмили решила, что должна предупредить:

– Это кольцо снято с трупа девушки. Ее нашли в сетях...

Саманта снова засмеялась:

– Слушайте, заглядывайте почаще, я давно так не веселилась. С мертвой! Но мы-то тут живы. Линдси, вон, трудилась всю ночь, не покладая рук, так что не побрезгуем. Да и мертвые не заявят, что у них драгоценность стащили.

– Кстати, Сэм, Шерхолл говорил, что у тебя девчонка недавно пропала. Молодая, рыжеволосая. Слышно что-то о ней?

– Она тифом заболела, так вроде и померла. А рыжая она была разве что прошлым летом, пока ее рыбаки налысо не побрили, когда вшей заметили.

Иэн и Эмили переглянулись. Версия Шерхолла рассыпалась в прах, но комиссару наверняка не было до этого никакого дела.

Иэн попрощался с Самантой и направился к выходу.

– Береги себя, Сэм.

– Ты себя тоже, братишка. И эту в обиду не давай.

Саманта провела рукой по плечу, и только сейчас Эмили заметила шрамы, которые покрывали тело женщины. Она набросила на плечи шаль и отвернулась. Эмили казалось, что она увидела страх в глазах девушки, но не нашла этому объяснения.

Иэн ждал ее внизу, чтобы проводить домой...

– ...если тебя интересует, почему я позволяю сестре заниматься всем этим... Это ее выбор. Я не могу ничего сделать.

– Саманта уже взрослая девочка, но ей стоит быть осторожной.

– Ясно одно: версия Шерхолла ерунда, мы все еще не знаем имя погибшей.

– Что насчет ювелиров?

– Их и правда в городе только двое. Мы можем заглянуть к ним. Надеюсь, что кольцо сделано в Бризбруке, иначе эта тонкая ниточка оборвется, и мы никогда не узнаем правду.

* * *

Виндхерст 1851 год.

Графство Девоншир, Англия.

Они привязали меня к дереву и помочились на рваный подол платья, когда звон колокола объявил об окончании службы.

Дверь церкви скрипнула – мальчишки разбежались, а я так и осталась стоять под проливным дождем. Маленькая, хрупкая, дрожащая от холода и стыда, облитая помоями. С венком из рыбьих костей в спутанных рваных волосах. Я не отводила глаз от жителей Виндхерста, которые по одному выходили из церкви.

Они замечали меня, тыкали пальцами, шептались и... проходили мимо. Кто-то смеялся, кто-то брезгливо отворачивался, кашляя от невыносимой вони. Сальма шла последней. Она увидела меня и что-то шепнула священнику.

Отец Джон подошел ближе и развязал веревку. Я с облегчением выдохнула и подняла глаза, но увидела лишь отвращение на его бледном лице. Джон схватил меня за шею и прошептал:

– Сейчас я дотащу тебя до дома – пусть папаша как следует прочит. Будешь молить о прощении за то, что пугаешь прихожан! Ты проклята, грязное отродье!

Рука священника все еще лежала у меня на плече, я обернулась и укусила его за палец. От неожиданности Джон отдернул руку, я вырвалась и побежала домой. Я чувствовала себя ужасно: голова разрывалась от боли, раны пылали – видимо, начиналась лихорадка...

Я попыталась незаметно пробраться домой. Фрэнк еще спал. Я уставилась на него и как будто впервые увидела: сальные губы, сломанный нос, тяжелые веки и соленую кожу, испещренную язвами. Уродливый и жалкий – теперь я знала, что ненавижу его.

Я набрала в котел воды и бросила туда рыбы потроха, которые служили нам завтраком, обедом и ужином. Потом вышла во двор и направилась к помойной яме. Сети часто приходили с плохой рыбой: залив не баловал жителей Виндхерста богатым уловом. Змеи, червивые мертвые туши – может, мы и правда были прокляты. Временами рыбаки вытаскивали ядовитых тварей, которых заносило в наши воды. Их обычно закапывали, но папаша скидывал все в яму, кишашую червями.

Моя походка окрепла, мысли прояснились, когда я поняла, что нужно делать. Я подошла к яме и прыгнула – прямиком в горы тухлой рыбы и отходов. Я не замечала ничего: ни запаха, ни червей, которые копошились под ногами, ни слизи. Я искала...

Похлебка на плите закипела, когда Фрэнк проснулся. Он посмотрел на меня и в ужасе отступил, как от прокаженной.

– Какого хрена?! Чертова шлюха, ты рыбу отнесла?!

Я помотала головой, хотя уже с трудом соображала: ноги снова были тяжелыми, в глазах темнело, а голову пронизывали острые тупые ножи. Лихорадка возвращалась.

Фрэнк схватил веревку и начал бить меня по спине, рукам и ногам. Но я уже не чувствовала боли. «Всего одну ночь...» – вспомнила я рассказы про мужа Сальмы.

– Ты, чокнутая, чего тарачишься?! А ну, иди в подвал, пока не прибил!

Дрожащими ногами я подошла к лестнице и почти скатилась вниз. Отец скинул мне мешок и грязное одеяло, но не было сил даже укрыться. Я засунула руку в мешок и нащупала куклу, сделанную из мелкой рыбьей головы. Фрэнк ее не нашел. Я прижала куклу к себе и закрыла глаза. Горло жгло, раны кровоточили, тело больше не слушалось. Хотелось пить, но воды не было, только лужи грязи, которые проникали вместе с дождевыми каплями под трухлявые доски пола.

– Не спи, не спи...

Я слышала, как отец выругался, а потом сел за стол. Он налил себе вина, плеснул в миску горячую рыбную похлебку. Я слышала, как он жадно хлюпал ртом, поедая потроха, а потом уронил голову на стол. Он был мертв.

Только тогда я позволила себе погрузиться во мрак. Мне снился Виндхерст, полыхающий в адском огне. Я стояла на холме, наблюдая за сгорающими телами. В белом платье, с развивающимися длинными волосами и венком из рыбьих черепов. Я смеялась над ними. Я была *королевой!*

Глава 7. Ювелиры

Ближе к окраине Бризбрука и ресторанчику Генриетты располагались улочки с роскошными особняками и летними домиками, где проводили лето владельцы элегантных быстроходных яхт. Каждый раз, отходя дальше от рыночной площади, Эмили словно оказывалась в каком-то другом городке: цветущем, белоснежном, солнечном. Здесь прогуливались по улочкам улыбочивые пожилые дамы, укрываясь зонтами от солнца, на окошках сидели упитанные пушистые коты, дети катались на качелях, а мужчины частенько завтракали или обедали на террасах, читая газеты.

Было лето, и курортный квартал, как его обычно называла Этта, заполнился людьми. Здесь же располагались лавочки, кондитерские и пекарни, которые обслуживали знатные семейства Бризбрука. Мастерские, где работали целые поколения.

В одной из таких мастерских Иэна и Эмили встретил обаятельный пожилой мужчина в огромных очках с толстыми стеклами в серебряной оправе. Ювелир был одет в элегантный коричневый костюм и жилет, из кармана которого свисала цепочка часов.

– Карл Йохансон, потомственный ювелир, антиквар и ценитель предметов роскоши.

– Иэн Бриггс, службу в полиции Бризбрука. А это Эмили Уоттс – фотограф и журналист местной газеты.

– О, вы пришли взять у меня интервью?

Эмили растерялась, но потом решила, что это отличный шанс расположить ювелира.

– Да, я пишу серию статей о семейных мастерских Бризбрука. А о ваших украшениях ходят легенды!

Эмили многозначительно развела руками, пытаясь изобразить масштабы известности Йохансона.

– Наши секреты передаются из поколения в поколение. Все началось более века назад, когда мой прадед...

Иэн едва сдержал зевок: вот уже час они слушали истории о семействе ювелира, их бесконечных талантах и украшениях, про которые говорили даже в королевском дворце. Парень пытался подать Эмили знак, что пора сворачиваться и переходить к делу.

Девушка сделала несколько фотографий Йохансона. Она поняла, что и правда получила неплохой материал для статьи. По крайней мере, история ювелира, слегка приукрашенная легендами о пиратах и проклятиях египетских пирамид, была не хуже новостей про килограммы потухшей макрели в порту.

А потом, словно невзначай, она достала из сумочки кольцо и спросила:

– Скажите, а можно по украшению определить его возраст или владельца? Говорят, только опытные ювелиры способны заглянуть в прошлое драгоценности.

Конечно, мистер Йохансон мечтал доказать, что он тот самый опытный ювелир, который умел практически все!

– Давайте посмотрим на вашу безделушку.

Мастер взял кольцо и отнес его к себе за прилавок, потом достал инструменты и стал тщательно изучать украшение.

– Могу сказать, что украшение довольно новое. Оно долго лежало в воде или какой-то сырой среде – металлы успели окислиться. Но его как будто даже не носили или очень редко: ни одной царапины не вижу... Вообще, изделие второсортное: грубая обработка камня, неудачный выбор оправы. В моей мастерской вы таких не найдете: точно дело рук Грантов. Украшение для тех, у кого отсутствует вкус, но всегда найдутся лишние фунты в кошельке. Тут есть изображение – похоже на фамильный герб: кажется, это лилия, но я не припомню, кому в Бризбруке он принадлежит. Увы, я не всемогущ.

Йохансон поднял очки на лоб и посмотрел на Эмили, дожидаясь подтверждения своей экспертности.

– Да, все так, вы абсолютно правы! Удивительно, мистер Йохансон, похоже, вы гений!

Ювелир был польщен, он даже пообещал Иэну и Эмили скидку на обручальные кольца. Те горячо поблагодарили мастера и обещали отправить ему экземпляр «Новостей Бризбука» со статьей.

Оказавшись на улице, Иэн выдохнул:

– Какой он медлительный и нудный!

– Да ладно тебе, милый старикашка. Заодно собрала материал для статьи, а то еще уволят на второй день.

– Эмили, я думаю, что фотографии девушки пока не стоит публиковать. Мы не знаем, кто она и что случилось... Вдруг мы как-то навредим этим или спугнем убийцу.

– Согласна, поэтому в ближайшем выпуске появится только гениальный мистер Йохансон!

Обсуждая то, что они узнали у ювелира, Иэн и Эмили направились на соседнюю улочку, где располагалась мастерская Грантов.

На пороге курил тощий долговязый парень, который был прямой противоположностью Йохансона: хмурый, неприятный, он оценивающе изучал прохожих, явно пытаясь представить, сколько денег у тех в кошельке. Сначала он не обратил на Эмили и Иэна внимания, попытался быстро скрыться в мастерской, надеясь, что эта парочка бедняков не будет тревожить его распросами о дешевой бижутерии.

Симон Грант был единственным наследником своего отца, Марио Гранта. Не отличался особым талантом и сообразительностью, но зато мог предложить своим покупателям действительно дорогие украшения. Поговаривали, он частенько скупал алмазы, рубины на черном рынке, поэтому в его магазинчике можно было разжиться безвкусными, но редкими антикварными колье, кольцами, шкатулками, инкрустированными драгоценными камнями.

– Мы хотели узнать у вас вот об этом кольце! – Эмили настойчиво протягивала ювелиру украшение. От нее не ускользнуло, что парень напрягся, когда увидел кольцо.

– Не моя работа. Спросите где-то еще.

– Вы уверены, что никогда прежде не видели это украшение?

– Вы пришли, чтобы задавать вопросы? У меня много работы.

Парень все время нервно оглядывался на подсобку, которая скрывалась за красной занавеской рядом с прилавком. Иэн едва заметно кивнул Эмили, надеясь, что она поймет: надо отвлечь Симона и увести его подальше от подсобки.

– Вы знаете, черт с ним с кольцом! Оно мне от бабушки досталось. Хотела оценить, сколько за него можно выручить, а теперь ума не приложу, что делать. Ладно, буду хранить как память.

Симон явно расслабился, как будто опасность миновала:

– Я мог бы помочь вам выбрать более подходящее украшение.

– О, Иэн, дорогой! Ты обещал побаловать меня сережками!

Расчет был на то, что сережки хранились в самой дальней от подсобки витрине. Симон взял ключ и направился к ней, чтобы показать Эмили сережки. Тем временем Иэн скользнул за штору.

Симон был не самым приятным парнем, но отличным продавцом. Он, не умолкая, рассказывал Эмили про украшения, сочиняя легенды о древних камнях, их волшебных свойствах, сулящих любовь и восхищение. С восторгом оценивал каждый примеренный ей комплект, как будто никогда не видел девушки прекраснее, чем в этих сережках. И не замечал ничего вокруг.

Иэн вернулся, взял Эмили за руку и потащил на улицу.

– Симон, у нас кое-что случилось. Мы зайдем на следующей неделе.

Парень растерянно держал в руках последнюю примеренную Эмили пару, но, с другой стороны, был рад, что избавился от странных покупателей. Кажется, этому парню было что скрывать.

– Ты не поверишь, что я там нашел!

Иэн старался увести Эмили подальше от мастерской Грантов. Там, где никто не мог их услышать.

– Я нашел такие же кольца. Янтарь, оправы, только рисунки внутри отличаются. Но все они действительно напоминают гербы знатных семейств Бризбрука. Один я узнал: лисица, такой герб у семьи Бенингов.

– Я где-то уже слышала эту фамилию... Точно, в газете писали о выступлении театральной труппы в их особняке!

– Но я не представляю, что это может означать. Зачем Симону столько колец? Подарки для жертв или чей-то заказ?

– Мы можем как-то подобраться к этому Бенингу?

– Не думаю, хотя... Возможно, Генриетта сможет помочь. У нее связи в городке, а Чарльз с семейством обожает ужинать в ее ресторанчике!

– Пойдем, Этта собиралась на выходных остаться в Бризбруке. Дома все обсудим. Эта женщина точно что-то придумает!

Через полчаса Иэн и Эмили уже поедали вкусные горячие пироги за столом в ресторанчике Генриетты. Она с интересом слушала, что им удалось узнать.

– Лилия, говорите... А покажите-ка мне кольцо. М-да, жаль вас расстраивать, ребятки, но это не подарок очередной жертве. Это пропуск.

– Пропуск? – Иэн удивленно поднял глаза на Генриетту. – Но куда?

– В мир роскоши, развлечений и казино! Под видом театрального представления Чарльз Бенинг объявляет в газете о том, что в его доме открывается сезон азартных игр. Туда съезжаются богачи со всей округи, а эти кольца служат пропуском. Кто-то заказывает собственный герб, а кто-то получает украшение, например, от Бенинга в качестве рекомендации. Конечно, они думают, что это тайна, но Симон частенько приторговывает украшениями, так что на вечеринку к Бенингу может попасть фактически кто угодно. Лишь бы денег на колечко хватило. А внутри рай: выпивка, еда, девушки. Но главное, за одну ночь там можно спустить или поднять целое состояние.

– А кому принадлежит герб с лилией?

– Не знаю... Но у меня есть куча открыток с благодарностями, которые мне присылают после ужина или доставки устриц. На них всегда есть печать семейства. Я принесу вам, но будьте готовы: изучать придется долго. Я годами ничего не выбрасывала!

Генриетта оказалась бесценным источником информации. Иэн и Эмили готовы были до утра перебирать открытки.

Прошло три часа...

– Меня уже тошнит от этого! Прости, Этта, когда ты говорила, что их много...

Иэн уже полчаса боролся со сном, текст и картинки на открытках расплывались. Казалось, что они никогда не найдут лилию.

– Я нашла, нашла!

Эмили вскочила со стула и закружилась по комнате, держа в руках заветную открытку с едва заметным штампом, повторяющим узор на кольце.

– Генри Робертс! Вот кого нам нужно найти. Вы его знаете?

Генриетта и Иэн покачали головами.

– Открытка давняя, я уже и не припомню, кто это.

– Поищу адрес в полицейском архиве.

– Стойте! Вы же не собираетесь заявиться к этому Робертсу с кольцом, обвинить его в убийстве? Нужно как-то осторожно с ним познакомиться, узнать поближе. Возможно, погибшая девушка тоже из знатной семьи, не стоит привлекать лишнее внимание.

Генриетта была права.

– Жаль, вечеринка в особняке Бенинга уже прошла, иначе у нас был бы пропуск туда...

– Значит, мы должны устроить собственный праздник: званый ужин в моем ресторанчике! – у Этты был план. – Позовем Бенинга, Робертса... Думаю, они с радостью примут мое приглашение. И посмотрим, чем все это закончится.

* * *

Бризбрук 1882 год.

Дневник Джека, смотрителя маяка.

“Вот уже несколько месяцев я веду скромную жизнь смотрителя маяка. Каждое утро я отправляюсь на пробежку: старая армейская привычка, которая помогает проснуться, но не дает мыслям залезть в голову раньше, чем я им это позволю. Я бегу к подножию холма, спускаюсь к морю по скользким черным скалам, сбрасываю холщовые брюки и захожу в воду. Весенняя прохлада бодрит, пробуждает. Я проплываю пару километров и возвращаюсь на берег. Все время кажется, что Виндхерст наблюдает за мной: будто пытается понять, на что я способен.

Потом я обычно завтракаю парой яиц, которыми закупаюсь у старушки Хельги, и поднимаюсь наверх, туда, где находятся лампы и зеркала – стеклянное сердце маяка. Я осторожно протираю пыльные, запотевшие от жара поверхности. Медленно, аккуратно, чтобы не повредить стекло. Затем нужно проверить уровень керосина в резервуаре: обычно его хватает на несколько недель, но последнее время приходится доливать. Нужно посмотреть, нет ли протечек. Да и механизм не мешает смазать.

Раз в неделю я меняю фитиль, иначе в туманную дождливую ночь пламя погаснет или будет плясать на ветру, издеваясь и не желая разгораться. Меня завораживает магия света: маленький огонек превращается в спасительный луч, который ведет корабль к берегу. Я чувствую себя важным, значимым и гордо несу свой пост на краю мира.

Я пока привыкаю, знаколюсь с Бризбруком и окрестностями, но я получил то, на что рассчитывал. Одиночество и покой. Местные не тревожат меня визитами и расспросами, изредка заглядывает Ноа: привозит книги и продукты с острова. Мне кажется, ему нравится слушать мои рассказы про Англию, Францию, Бельгию. Сам он нигде не бывал и нервничает, даже когда приходится просто поехать в другой город. Но сидя на холме, наблюдая за Виндхерстом, Ноа всегда готов отправиться в небольшое путешествие по моим воспоминаниям.

О войне мы не говорим, никогда.

Я не против компании. К тому же Ноа помогает мне обустроиться на маяке: ремонтирует шкафы и полки, таскает бочки с керосином для ламп. А недавно мы обнаружили в старом чулане настоящее сокровище: фотоаппарат и всякие баночки с растворами для проявки негативов. Пришлось изрядно повозиться, чтобы организовать на маяке мастерскую. Я обещал Ноа приехать в общину: пофотографировать его жену и детей. Но пока нужно понять, как обращаться с этим диковинным аппаратом.

Поэтому по вечерам я выхожу на охоту: пытаюсь поймать красивый кадр Бристольского залива, окутанного пеленой тумана. Или гоняю чаек, чтобы снять, как они парят над черными скалами побережья. Но самым живописным навсегда останется Виндхерст –

загадочный, одинокий, неприступный. Хочется, чтобы много лет спустя его увидели именно таким на моих первых неуверенных фото...

Кстати, сегодня я познакомился с Эттой, хозяйкой общины Виндхерста. Точнее, с Генриеттой Берл – как выяснилось, это ее полное имя. Тяжелая история, но я решил записать: интуиция подсказывает, что Этта сыграет важную роль в моей жизни. Меня это одновременно пугает и завораживает.

В полдень я отправился прогуляться по лавочкам Бризбрука в поисках запчастей для фотоаппарата и реактивов, которые, оказалось, не так просто отыскать в маленьком городке. Я случайно наткнулся на Марка. Он пообещал привезти мне все необходимое через пару недель. Я был счастлив и спешил вернуться на маяк, как вдруг услышал крики.

Я свернул на соседнюю улочку, узнать, не нужна ли помощь. Посреди мостовой, босиком на холодных камнях, стояла маленькая девочка в разорванном окровавленном платье. Она дрожала и тихонько вытирала слезы, которые текли по щекам. Кричала не она, а тучная неприятная женщина, которая, судя по всему, была ее мамой. Мамаши почти рычала от злости и била малышку по щекам. Любопытная толпа окружила их и лениво наблюдала за происходящим.

То что я услышал дальше, окончательно убедило меня: этот мир обречен. Женщина продавала своего ребенка на утеху рыбакам. И когда очередное ничтожество насильовало ее, девочка ударила мужика разбитой бутылкой. Тот вытряс из мамыши все сбережения. Теперь она разрывалась от крика, поливая грязью маленькую девочку: та должна была все отработать.

Я не мог поверить своим ушам, я чувствовал внутри кипящую ненависть: я готов был убить ее, вырвать грязный язык и отобрать ребенка. Я рванул вперед, растолкал толпу, но краем глаза заметил справа какое-то движение...

Толпа расступилась, пропуская ЕЕ. Генриетта Берл вместе с Ноа и еще двумя женщинами вошли в центр круга. Она жестом показала мне отойти в сторону. Одна из женщин держала в руках покрывало: она подошла к девочке и накрыла ее, а потом, обняв за плечи, повела за собой. Мамаши попыталась остановить ее, но Ноа огромной стеной встал между ней и девочкой.

Этта положила руку ему на плечо и сделала шаг вперед. Она стояла лицом к лицу с пьяной мамышей. Наверняка чувствовала ее вонь, слышала грязные ругательства. Мать проклинала Этту и Виндхерст, она требовала отдать ей ребенка. Генриетта не обращала на вопли никакого внимания. Она заговорила тихо и уверенно. Оттуда, где я стоял, ничего не было слышно, но женщина застыла как вкопанная. Ее лицо стало серым и испуганным. Она попыталась что-то сказать, но лишь махала руками, сотрясая воздух. А потом стала рвать на себе волосы и креститься.

Этта обернулась, посмотрела на меня и поманила за собой. Наша небольшая процессия двинулась по направлению к берегу. Толпа разошлась. Этта взяла девочку за руку и стала напевать песню. Теперь я мог расслышать слова. В песне говорилось про удивительный остров, русалок, которые жили у его берегов, добрых людей и вкусные пирожки. Девочка перестала плакать и, словно в оцепенении, брела за Эттой.

Наверное, я не встречал таких, как она, раньше. Этта просто шла по улице, а воздух вокруг становился плотным и хрустящим. Она смотрела на мир холодными пронзительными глазами. Голубое платье оттеняло их бездонную синеву. Внутри Этты бушевало море. Она видела каждого из нас и не замечала никого. В ней чувствовалась такая сила, будто неудержимая стихия обрела прекрасный сосуд. Величественная, статная, ее белоснежные локоны были небрежно заколоты на затылке, а выбившиеся пряди развевались на ветру.

Начинался отлив, к нам присоединились другие жители общины. Они ждали на берегу, пока вода уйдет и можно будет перейти залив, чтобы добраться до Виндхерста. В руках они держали ящики и корзины: видимо, закупились продуктами в Бризбруке. Девушки с любопытством поглядывали на меня и улыбались.

Этта передала девочку Марте, жене Ноа. Маленькая и худенькая, в ее глазах пляшут задорные лукавые огоньки. Марта обожает смеяться – ее звонкий голосок разносится на мили, и Ноа рад видеть ее такой. У Марты нет руки. Ноа рассказал, что в детстве, когда она жила в приюте, на Марту напал дворовый пес. Девочка чудом спаслась, но укусы загноились – пришлось ампутировать. Марта хотела броситься в море, утонуть. Она считала себя уродиней, ненавидела свое тело. Но появилась Этта и забрала ее на остров. Там Ноа и Марта встретились – два искалеченных ребенка наконец-то обрели любовь и желание жить.

На прощание Этта улыбнулась мне и пригласила погостить в Виндхерсте. Ноа рассказал Генриетте, что я пережил войну, что приехал из Лондона и искал покоя. Она была уверена, что я обрету все это на острове. Я обещал подумать, но пока не был готов покинуть старый маяк...”

Глава 8. Ужин

Ужин был назначен на вечер пятницы: предстояло много подготовки, поэтому Генриетта уговорила Эмили и Иэна не спешить. Получив приглашение накануне, многие могли просто сослаться на занятость и не прийти. А отсутствие Робертса и Бенинга означало бы, что план разузнать что-то про кольцо и самого Генри провалился.

К тому же Эмили ждала работа. Несколько дней она вникала в то, как устроена жизнь в редакции, бегала по мелким поручениям, проявляла старые снимки, разбиралась с передачей фотографий и материалов в печать. Статья про Йохансона вышла отличной. Шикарный портрет улыбчивого ювелира украшал центральный разворот.

– А что с тем случаем в порту? Утопленницу вроде выловили? – Гектор внимательно пересматривал все материалы, которые уходили в печать.

– Мистер Хармс, там все не так просто. Местная полиция уверена, что девушка просто покончила с собой, но у меня есть доказательства...

– Мисс Уотс, журналистика не терпит долгих расследований. Новости нужно подавать горячими, иначе публика просто потеряет к ним интерес. Жозеф говорил, что вы делали фотографии для полиции?

– Да, у меня есть снимки, но мы до сих пор не знаем, кто эта девушка. Зато есть улики, указывающие на то, что она утонула не сама. Ее связали...

– А что думает Шерхолл?

– Шерхолл – идиот! Простите... – Эмили не ожидала от себя такой реакции, но комиссар вызывал в ней бурю злости и возмущения.

– О, тут мы с вами сходимся, – Гектор улыбнулся. – В итоге, какой у вас план?

– В пятницу в ресторанчике Генриетты пройдет ужин, вы тоже приглашены...

Гектор расплылся в счастливой улыбке.

– Там будут люди, которые могут быть замешаны в смерти девушки. Дайте мне пару дней. Если все получится, мы опубликуем громкое разоблачение и поставим полицию Бризбрука на место.

– А если вы ошибаетесь? – Гектор был не из тех, кого прельщали призрачные перспективы. – Фотографии будут уже неактуальны, вы же это понимаете?

– Если так случится, обещаю: вы получите материал не хуже. Или вычтете убытки из моего жалования.

– Вот это уже деловой разговор. По рукам.

Клара показала Эмили большой палец в знак одобрения.

– Клара, мне нужна твоя помощь. Может, ты знаешь, кто такой Генри Робертс? Или в газете писали о нем?

– Хм... Фамилия знакомая, мне кажется, он владеет одним из летних домиков в Бризбруке. Мы писали о его свадьбе лет пять назад. Но я не уверена, что точно помню фамилию. Посмотри в архиве. Правда, там бардак, искать придется долго.

– Я готова к трудностям.

Клара проводила Эмили в чулан, где на стеллажах хранились старые выпуски «Новостей Бризбрука» и указала на верхнюю полку.

– Поищи вот тут, надеюсь, память меня не подводит.

Эмили приготовилась неделю провести в архиве, но нужная статья нашлась на удивление быстро. Прямо на первой полосе была фотография счастливых молодоженов на фоне яхты, подаренной по заверению Жозефа Мувона, автора статьи, родителями невесты.

Эмили схватила газету и побежала к Жозефу:

– Жози, это же твоя статья?

– Как же давно это было! Слог не тот, материал скучный. Обычное дело: молодой парень из разорившейся семьи нашел способ поправить финансовое положение и выгодно женился. На единственной дочери и наследнице фабриканта, Беатрисе Лэнг. Жили они долго и счастливо, хотя не думаю...

Эмили присмотрелась к фотографии, но по ней было непонятно, насколько длинные у девушки волосы и уж тем более какого они цвета.

– Слушай, а не помнишь, у этой Беатрисы рыжие волосы?

– Я ее даже не видел, просто статью написал, а фото... это даже не Макс... Это, наверное, старина Финч делал. Его уже и в живых-то нет.

Интуиция подсказывала Эмили, что семья Робертсов связана с девушкой, труп которой нашли в порту. Или молодой муж избавился от жены, чтобы заполучить наследство, или убил любовницу, чтобы о его похождениях не узнали. В любом случае, нужно было дождаться пятницы, чтобы понять, что он за человек.

Эмили вернулась в ресторанчик ближе к вечеру: здесь уже кипели приготовления. Стол Генриетты был завален симпатичными карточками с изображением маяка. Она планировала подписать и отправить приглашения всем, кого ждали на ужине.

– Этта, вы можете пригласить Гектора? Я обещала ему... Простите, я не должна была этого делать без вашего согласия.

– Уже. Я подписала приглашение для него и твоих коллег: Клара Доттс и Жозеф Мувон – правильно?

Эмили кивнула, она была рада, что ребята тоже попадут на ужин.

– Но я не уверена, что они смогут позволить подобные изыски...

Девушка заметила на столе у Этты небольшие корбочки, которые подготовили для миниатюрных угощений – приятное дополнение к пригластельному на ужин.

– Правила устанавливаю я, не забывай об этом. Гости ничего не платят на ужине. Потом мы рассылаем счета. Конечно, я не буду вымогать из твоих друзей деньги. Мы разделим их счета между теми, кому по карману мое расположение и мои блюда. Обычно они еще и соревнуются в щедрости!

– Как вам удалось все это организовать?

– Пообещай людям что-то с намеком на роскошь, эксклюзивность, тем более в тухлом и унылом Бризбруке, – и они обязательно заглянут на огонек. А дальше все зависит только от того, насколько оправдаются их ожидания и кто станет их компанией на этот вечер. Встреча должна быть выгодна всем! А самые успешные сделки, как известно, совершаются за бокал шампанского и устрицами!

– Тонко! Давайте я вам помогу подписать приглашения.

– Держи образец, только аккуратно: чернила растекаются, а открыток запасных у меня не так много.

Эмили принялась за работу. Так, обсуждая гостей и планы на предстоящий ужин, пролетел вечер. На столе теперь лежала стопочка приглашений в голубых конвертах, которые предстояло развезти по Бризбруку.

В ресторан заглянул огромный темнокожий кэбмен. На вид ему было лет шестьдесят, седые волосы оттеняли почти черную кожу мужчины, руки немного дрожали, то ли от волнения, то ли от старости, но глаза искренне улыбались Генриетте.

– Знакомся, Эмили, это Ноа. Мой давний друг и отец Хелены. Мы все живем в общине в Виндхерсте.

Эмили недоумевала: кожа Хелены была белоснежной, ни намек на родство с Ноа... Девушка тут же укорила себя за излишнее любопытство, но Генриетта прочитала немой вопрос в ее глазах.

– Хелена – приемная дочь. Марта и Ноа удочерили ее еще малышкой. В общине мы стараемся дать детям Бризбрука лучшую жизнь. Без побоев, нищеты и издевательств родителей. Жаль, наши возможности не безграничны.

– Но в этой девчонке точно течет моя горячая кровь! – Ноа широко улыбнулся, показав, что его ничуть не задело недоумение Эмили. Огромный кэбмен оказался милейшим, добродушным мужчиной, с такими хотелось дружить, обсуждать погоду, рыбачить.

Эмили подошла ближе и протянула ему руку.

– Эмили Уоттс, нахлебница Генриетты. Пытаюсь быть полезной, но пока в основном ем и втягиваю Этту в сомнительные дела.

Ноа захохотал, его смех больше напоминал камнепад.

– Поверь, Этта обожает сомнительные дела!

– Ноа, я составила для тебя список адресов, нужно развезти пригласительные и получить ответы. Вернись потом, пожалуйста, и расскажи, кого точно ждать на ужине. Особенно важны ответы Беннинга и Робертса, запомнил?

– Обижает! Все сделаю в лучшем виде! Быстрее молнии вернусь.

Ноа и правда вернулся быстро. Отказов было всего три, но мужчины, которые интересовали Эмили и Этту, были в списке тех, кто обещал приехать. Оставалось дожидаться пятницы и познакомиться наконец-то с Генри Робертсом.

В пятницу жизнь в ресторанчике закипела с утроенной силой. Женщины из общины Виндхерста приехали, чтобы помогать на ужине: готовить, обслуживать гостей. Они привезли цветы и ткани, чтобы украсить зал. Огромные красивые ракушки, вазы, свечи, которые делали на острове. Для гостей подготовили небольшие сувенирные блюдца с их инициалами, тоже выполненные вручную.

Было тепло и уютно. Женщины закружили Эмили в водовороте приготовлений. Показывали, как сворачивать салфетки, советовались, составляя композиции в вазах, пели песни, фотографировались. Генриетта попросила девушку запечатлеть приготовления и ужин на пленку. Шутила, что решила воспользоваться тем, что в ее доме живет талантливый фотограф, немного ей задолжавший.

Эмили была совсем не против. Она чувствовала себя частью большой дружной семьи, и это было так трепетно и тепло – почти до слез. Бабушка и дедушка были весьма сдержанными людьми, врачами. К тому же Эмили казалось, что они винили ее в том, что случилось с их сыном. Конечно, маленький ребенок не мог быть виноват в сумасшествии своего отца, но служил постоянным напоминанием об этом.

Именно здесь, в Бризбруке, рядом с Эттой, Иэном и остальными, Эмили впервые почувствовала себя дома.

Праздник обещал быть масштабным, впечатляющим. Женщины и мужчины из общины надели красивые льняные платья, фартуки, подвязали волосы лентами. Ноа в белоснежной холщовой рубахе готовил на улице площадку для кэбов и объяснял остальным мужчинам, как встречать гостей и не устроить затор из экипажей.

Генриетта выбрала роскошное изумрудное платье, которое подчеркивало ее белокурые волосы и бледную кожу. Не шее висела тонкая цепочка жемчуга, а на запястье – браслет, где драгоценные камни сочетались с замысловатыми фигурками в виде рыб и черепах.

Эмили поднялась вверх, раздумывая, что бы надеть. Она открыла дверь в комнату и вздрогнула. Там стояла Марта.

– Извини, я не хотела заходить без спроса, но Генриетта попросила отнести тебе платье и ленты. Хочешь, я помогу тебе собраться? Сделаю прическу?

Эмили замешкалась, ей было неудобно обременять Марту, но та восприняла это иначе:

– Не переживай, у меня куча дочек. Я справлюсь с прической и одной рукой.

– Марта, нет, что ты! Я даже не подумала об этом, просто привыкла сама сражаться с платьями и расческой.

Марта улыбнулась и настойчиво указала девушке на ширму:

– Сегодня особенный вечер, расслабься! И не мешай мне делать из тебя красотку!

Иэн ждал Эмили внизу. Ему было не по себе среди гостей: конечно, он знал многих, но не то чтобы водил дружбу с богачами. Да и те не проявляли желания общаться с полицейским. Зато между собой собравшиеся вели непринужденные светские беседы, пили шампанское и пробовали угощения, которые Этта подала перед ужином.

Иэн взглянул наверх, и рот парня открылся от удивления. На лестнице стояла Эмили в красивом платье цвета морской волны, с лентами и цветами в элегантно уложенных волосах. Легкая, нежная, волшебная, ее щеки покрывал розовый румянец смущения и восторга. Она напомнила ему...

Эмили заметила Иэна и помахала ему рукой, а потом быстро сбежала вниз по ступенькам.

– Привет! Так рада тебя видеть!

– Эмили... Ты выглядишь... потрясающе!

Эмили попыталась скрыть стеснение:

– Марта меня так туго зашнуровала, что я могу задохнуться.

– Хочешь, прогуляемся немного? Здесь душно. Гости все равно пока собираются.

– Мы будем странно смотреться у входа. Там кэбмены сходят с ума, чтобы экипажи разъехались.

– Можем подняться на крышу.

Иэн взял Эмили за руку и повел к лестнице, которая скрывалась в чулане рестораника. Оказалось, что она вела на чердак, где хранили посуду, скатерти, стулья. А оттуда – на крышу.

Они расположились на небольшом выступе на самом краю. С крыши открывался потрясающий вид на город и Бристольский залив. Стемнело, и черное небо Бризбрука освещали звезды. Дышалось и правда хорошо: вечерняя прохлада остужала пылающие щеки Эмили.

– Откуда ты знаешь, что здесь есть лестница? Часто бываешь у Этты?

– На самом деле мы с Генриеттой давно знакомы. Я обязан ей... Да, пожалуй, всем. Она заменила мне мать, которой у меня особо и не было.

– Ты же говорил, что вырос в Даскерсе? А Этта вроде из Виндхерста.

– Она появилась на острове уже будучи замужем. Приехала с мужем и дочкой, отстроила заброшенный остров, основала общину. Этта дала приют бездомным и отчаявшимся, спасала детей от издевательств, усыновляла сирот.

– Твои родители умерли?

Эмили почувствовала, что Иэн вздрогнул и сжал кулаки.

– Очень на это надеюсь... Мы с Самантой родились в трущобах, с детства мы испытали на себе все ужасы нищеты: грабежи, голод. Родители пили, избивали нас, заставляли работать и просить милостыню. А когда Саманта подросла... Отец стал насиловать ее.

– Вы сбежали?

– Можно и так сказать. На пороге нашего дома однажды появилась Генриетта и просто увела нас, посадила в лодку и отвезла на остров. Там мы узнали, что жизнь бывает другой, что о детях могут заботиться, любить, кормить и ничего не требовать взамен.

– А что родители? Они не пытались вас вернуть?

– Я больше их не видел. Однажды мне довелось бывать в тех трущобах, но соседи сказали, что их давно не видели. Наверное, спились и замерзли где-то в канаве.

– А потом ты стал полицейским? Не захотел жить на острове? Я слышала, что там очень строгие порядки.

– Страшилки, которые рассказывают местные. Виндхерст не тюрьма, это семья. Ты можешь уехать куда угодно, начать новую жизнь, но близкие всегда рады тебе, и ты непременно возвращаешься.

Эмили медлила с вопросом, но все-таки решилась:

– А Саманта? Как так вышло, что она стала...

– Шлюхой? – голос Иэна звучал жестко, видимо, ему было сложно смириться с тем, какую жизнь вела Саманта. – Она сбежала из общины. Сказала, что хочет красивой жизни, свободы. Надеюсь, она получила то, чего хотела.

– Иэн, а как погибла дочь Генриетты?

– Ты знаешь, это было очень давно. Еще до того, как мы с Сэм попали в Виндхерст. В общине говорили, что Софи утонула.

– Утонула? Может быть, у Генриетты тоже был повод считать, что это не просто случайность? Поэтому она так хочет, чтобы мы нашли виновного?

– Эмили, я не люблю додумывать – у Жозефа и Клары это получается куда лучше. Может, все так, как ты говоришь, но я не хочу лезть в душу Эгте и бередить старые раны. Если у нее есть свои мотивы, пусть так и будет.

– Наверное, ты прав...

Эмили молчала. Она смотрела на звезды, чувствовала теплую руку Иэна на своей ладони и думала над тем, как бывает жестока судьба и как люди сами порой бегут куда-то, думая, что впереди свет, но падают в пропасть.

Иэн подвинулся ближе, провел рукой по волосам Эмили, коснулся пальцами ее щеки:

– Ты очень красивая...

Эмили задрожала, по телу разливалось приятное тепло. Она закрыла глаза и вдохнула теплый морской воздух. Иэн коснулся ее губ своими. Но тут же отстранился: внизу послышались крики. Прямо под выступом, на котором они сидели, спорили мужчины. И кажется, это были именно те, с кем Эмили планировала познакомиться сегодня вечером...

* * *

Виндхерст 1851 год.

Графство Девоншир, Англия.

Робкие лучи солнца проникали в комнату со старыми деревянными кроватями, расставленными вдоль обшарпанных стен. Занавесок не было: сестра Рут решила устроить стирку, и девочки уже тащили корзины с бельем к реке. Прихватив с собой пару кусков мыла и пустые ведра, они смеялись, болтали, наслаждаясь хорошей погодой, которая редко баловала жителей Бризбука.

Мыла всегда было много: его варили впрок, потому что стирка никогда не заканчивалась, да и на рынке его хорошо разбирали. Мыло пахло лавандой и чабрецом. Девочки научились собирать травы, чтобы забить тошнотворный запах жира, из которого его варили.

Рут терпеть не могла плесень и грязь, она решила, что если уж судьба забросила ее в этот приют, то, по крайней мере, здесь будет чисто.

Я проснулась. Лежала и прислушивалась к незнакомым звукам, голосам, которые раздавались неподалеку. Я боялась пошевелиться, боялась, что ужасная боль, которая отпечаталась в памяти, вернется. Но чувствовала себя лучше: усталость и жар прошли, ободренные плечи не кровили, в голове прояснилось.

Я поняла, что не чувствую вони, которая окружала меня дома. Кто-то заботливо укрыл меня колючим теплым одеялом, надел ночную рубашку...

«Может, я умерла?» – эта мысль первой прмелькнула в голове.

Потом я вспомнила помойную яму, кипящую на плите похлебку, грохот, с которым папаша упал на пол, и слабо улыбнулась. День впервые обещал быть добрым!

– Эй, просыпайся давай! Думали, на тот свет тебя проводим. А ты оказалась крепкая. Глянь, выкарабкалась.

Голос Рут больше напоминал раскаты грома. Я попыталась приоткрыть глаза, но тут же зажмурилась от яркого солнечного света. Еще попытка – и вот я уже видела над собой огромного великана с короткими, торчащими в разные стороны волосами. Он, а точнее, она смотрела на меня мутными глазами-пуговками, которые терялись на тучном лице. Рут оказалась очень высокой! Широкие плечи, руки, которые привыкли рубить дрова, – она больше напоминала мужчину, если бы не передник и коричневое платье, огромным мешком обволакивающее мощное тело.

Рут положила руку мне на лоб. Рука оказалась мягкой и теплой, от нее пахло хлебом.

– Уже не горишь, ранки мы твои подштопали. Так что давай, пробуй вставать. Лежать тут у нас некогда: нянек нет тебя кормить.

Я попыталась сесть, но тело не слушалось.

– Да не спеши ты, а то рухнешь на пол – лоб разобьешь! Потиху, понемногу. Хорошо, отец Джон нашел тебя там под полом и сюда принес. Папаша твой, того, помер. Так что ты теперь сиротка, будешь жить тут – в приюте Святого Луки в Бризбруке.

– Сп-п-пасибо...

Все-таки я *не умерла*.

Глава 9. Робертсы

– Чарльз, ты же знаешь, как мне нужны деньги! – по всей видимости, говорящий обратился к Чарльзу Бенингу.

– Генри, ты проигрался в пух и прах, у тебя долги, а долги надо отдавать.

– Ты можешь занять мне пару тысяч?

– Попроси у Беаты, женушка всегда закрывала твои финансовые вопросы. Ты разве не для этого женился?

Эмили многозначительно подняла указательный палец: она хотела, чтобы Иэн прислушался.

– Беаты нет уже месяц, а без нее все мои средства парализованы.

– Скоро вернется, она же всегда возвращается: путешествует, наслаждается жизнью, мужиками, а потом обратно к тебе.

Чувствовалось, что Генри едва сдерживал гнев.

– На этот раз я не уверен, что она вообще вернется. Я заложил дом, но этого мало, чтобы расплатиться с долгами. А у меня дочь.

– Отвези ее к родителям Беаты, они с радостью присмотрят за внучкой. Разговор закрыт. Я не раз выручал тебя, Генри, но сейчас не уверен, что ты вернешь долги.

– Возьми меня на работу.

Бенинг усмехнулся:

– Ты хоть день работал в своей жизни?

– Ты говорил, что ищешь управляющего в конюшни. Ты же знаешь, что отец тоже держал лошадей. Я справлюсь.

– Приходи завтра в полдень, посмотрим.

– В полдень, но... Я не уверен, что смогу найти няню для Лили.

– Генри. Завтра, в полдень. Жду тебя. Это твой последний шанс.

Эмили услышала шаги: Бенинг вернулся в ресторанчик. Несколько минут спустя Робертс последовал за ним.

– Иэн, я выяснила, что Генри женился на Беатрисе по расчету. Его семья разорилась. А сейчас он говорит, что жена уехала, и уверен, что она не вернется...

– Думаешь, рыбаки нашли в заливе Беатрису?

– Нужно попасть домой к Робертсам и убедиться. У меня есть план, идем.

Эмили и Иэн спустились как раз к ужину. Генриетта подавала знаки официантам, которые выносили главные блюда. Разговоры ненадолго стихли: все наслаждались невероятными рыбными изысками лучшего ресторанчика Бризбрука.

Рядом с Эмили сидели Клара и Жозеф. Они не переставали благодарить девушку за приглашение на ужин, особенно когда узнали, что платить ни за что не придется.

Жозеф был в центре внимания: он шутил, болтал, рассказывал про свои французские приключения и как он бежал в Бризбрук от навязчивых поклонниц.

Эмили отыскала глазами Генри. Он сидел за столиком в дальнем углу ресторанчика и смотрел в окно. Это точно был он! Мрачный, понурый, он выглядел тенью на этом роскошном празднике.

После ужина Эмили нашла Генриетту и шепнула ей на ухо, что нужно сделать. Та кивнула и ненадолго удалилась. Через несколько минут она поманила Эмили пальцем, рядом с Этой стоял Генри. Он пытался улыбаться.

– Знакомься, Генри. Это Эмили, моя племянница. Она работает фотографом у Гектора, а еще – обожает детей. Она вырастила трех кузенов, поэтому с радостью присмотрит завтра за Лили.

– С удовольствием! Почитаем сказки, порисуем монстров. Вы работаете?

Генри улыбнулся:

– Очень на это надеюсь. Не знаю, Генриетта, как ты догадалась, что мне нужна помощь – видимо, сам бог послал тебя мне!

– Я услышала, что Беата в отъезде, и решила, что молодому отцу не помешает немного свободного времени. Кстати, с кем сейчас Лили?

– Я уложил ее спать и уехал. Поэтому прошу извинить меня, но я спешу вернуться домой. Спасибо за ужин!

Генри уехал, а Эмили крепко обняла Генриетту, благодаря за помощь. Ужин подходил к концу, гости собирались домой. Иэн куда-то исчез – возможно, он снова заступал на дежурство, поэтому Эмили отправилась спать. Закрыв глаза, она вновь оказалась на крыше, чувствовала его прикосновения на своих губах, ощущала аромат тела. Внутри порхали бабочки...

– Завтра, скорей бы наступило завтра!

Летний домик семейства Робертсов располагался недалеко от ювелирной мастерской Йохансона. Тот самый, где Эмили заметила на подоконнике огромного пушистого кота. Домик был маленький и уютный, но в глаза бросалось долгое отсутствие прислуги и женской руки. Генри пытался навести порядок перед приходом Эмили, но у него едва ли получилось.

Генри встретил Эмили на пороге, он был одет в дорогой костюм, причесан и выбрит. Было видно, что Робертс нервничает перед беседой с Бенингом, но старался унять дрожь в руках. Рядом с ним стояла маленькая девчушка лет четырех с огромными зелеными глазами и застенчиво пряталась за ногу отца. Одного взгляда на Лили хватило, чтобы Эмили поняла: у Беатрисы точно были рыжие волосы!

Лили и сама была рыжая: с россыпью веснушек на лице, тонкими золотистыми прядями волос, собранными отцом в неаккуратные хвостики.

– Эмили, спасибо, что пришли! К сожалению, я должен бежать. Доверяю вам эту прекрасную юную особу.

Генри обернулся к Лили, присел и поцеловал ее в курносый носик.

– Детка, эта красивая мисс поиграет с тобой немного, а потом я вернусь и прочитаю книжку на ночь. Идет?

Лили кивнула и обняла папу:

– Я очень тебя люблю, папочка. Возвращайся, пожалуйста.

Тоненький звонкий голосок звучал грустно. Эмили подхватила Лили и закружила в воздухе.

– Ступайте, Генри, и ни о чем не переживайте! Мы здорово проведем время! Кажется, я видела во дворе качели, покажешь?

Лили кивнула. Эмили поставила малышку на землю, и они побежали во двор. Кот лениво проследил за ними, но не сдвинулся со своего теплого солнечного местечка на подоконнике.

Эмили влюбилась в Лили! Смешливая, улыбчивая, добрая, она готова была весь день бегать во дворе, придумывая игры и приключения. Хвостики окончательно растрепались, пласть было покрыто ровным слоем грязи, но зато Лили была счастлива.

– Эмили, ты же будешь приходить поиграть со мной? Мама постоянно уезжает, папа занят. Мне скучно одной!

– Конечно, буду! Мы же теперь друзья?

Лили радостно кивнула, а потом сладко зевнула и потеряла глаза.

- Крошка, ты устала? Предлагаю пообедать, а потом отдохнем.
- Я не люблю спать днем, я уже взрослая.
- Мы просто полежим в кровати и почитаем, идет?
- Если ты меня догонишь!

Лили побежала в дом, и Эмили последовала за ней. Через полчаса они сидели за столом и уплетали блинчики, которые приготовила Эмили. В холодильнике оказалось не так много еды, видимо, Генри планировал вернуться к обеду.

– Вкусно-о-о... – Лили доела последний блинчик. Она клевала носом и собиралась пристроиться спать прямо за столом. Эмили взяла ее на руки и отнесла в комнату. До книги дело не дошло: едва голова девочки коснулась подушки, она тут же уснула.

Эмили осмотрелась: она заметила на стене фотографии. Среди них явно были бабушки и дедушки девочки, ее отец Генри и прекрасная женщина с длинными волосами, которые спускались практически до колен. Она держалась отстраненно, и фотография мало напоминала счастливое семейство. Теперь Эмили была уверена: мертвую девушку звали Беатриса Робертс.

- Эмили, все в порядке?

На пороге детской стоял Генри. Он выглядел грустным и уставшим. Говорил тихо, почти шепотом, чтобы не потревожить Лили.

- Да-да, пойдете в гостиную.

Генри расположился в кресле у камина и налил себе стакан виски.

- Хотите?

– Нет, спасибо, не могу пить днем.

– Не такая и сложная это наука, – Генри залпом осушил стакан и налил следующий.

– Как прошел ваш день?

– Отвратительно. Я долго унижался перед человеком, который того не стоит. В итоге он отказал мне. Я остался без денег, без работы и, наверное, рискую потерять дочь.

– Дела так плохи? – Эмили стало жаль Генри. Теперь, глядя на его уставшее несчастное лицо, ей было сложно поверить в то, что он убийца.

– Моя жenuшка сбежала с очередным любовником. Это обычное дело. Хотя нет, в этот раз за ней даже кэб прислали! Она никогда не хотела замуж: отец выдал ее силой. Ему нужен был мой титул, а моему отцу – деньги Лэнгов. Такой вот брак по расчету. Мистер Лэнг надеялся, что Беата остепенится, но не тут-то было. Она обожала путешествия, танцы, фонтаны шампанского, мужчин и женщин – всех без разбора. Настолько, что хотела сделать аборт, когда узнала, что беременна Лили...

– Это ужасно!

– Лили была для нее бременем. Я потратил недели, убеждая ее, угрожая. Я очень хотел ребенка! Лили для меня все...

– А где Беатриса сейчас?

– Я не знаю. Обычно ее похождения длились не больше недели, но я уже месяц ничего о ней не слышал. Наверное, она решила не возвращаться домой. Но ирония в том, что все деньги, которые у нас есть, – принадлежат ей. Это было главным условием брачного договора. Я нищий и не могу воспользоваться ее счетами.

– У вас нет никаких сбережений?

– Были, но я совершил ошибку. Я решил, что мне должно повезти и... проиграл все в карты. Проиграл даже больше, чем имел. Теперь у меня долги, дом заложен... Боюсь, меня просто убьют, если я не верну деньги в срок.

– Но почему вы не расскажете обо всем свекру?

– Я боюсь, что он просто заберет Лили. Я не смогу без нее... – в глазах Генри блеснули слезы.

– Мистер Робертс, взгляните, это ваше кольцо?

Эмили протянула Генри янтарный перстень в золотой оправе.

– Он принадлежит Беатрисе, она обожает вечеринки Бенинга. А откуда он у вас?

Эмили сделала паузу, набираясь смелости.

– Генри, вам лучше завтра прийти в полицейский участок и запросить у Шерхолла информацию о девушке, которую недавно нашли в заливе Бризбрука. Тело должно быть еще в морге.

Генри удивленно поднял глаза:

– Я не понимаю, о чем вы...

Эмили достала из сумочки фотографии мертвой девушки и протянула Робертсу.

– Мне кажется, Беатриса мертва и больше никогда не вернется домой...

На следующее утро полиция Бризбрука стояла на ушах. В участок, чтобы поговорить с комиссаром Шерхоллом приехал сам Патрик Лэнг, отец Беатрисы, и Генри Робертс, ее муж. Иэн потом рассказывал, как они заперлись в кабинете шефа полиции и о чем-то долго беседовали на повышенных тонах.

Потом процессия во главе с судебным медиком Майлзом отправилась в морг, где родственники опознали Беатрису Робертс. Это подтверждало исследование челюсти, наличие давнего перелома правой руки и отсутствие одной фаланги пальца на левой ноге: Беатриса родилась с этим недостатком.

Лэнг забрал тело дочери, чтобы организовать похороны. На публике он держался стойко, но одному богу известно, что чувствовал старик, когда смотрел на обглоданное тело собственного ребенка.

Эмили закончила статью, приложила фотографии и отдала материалы Кларе. Та должна была все проверить и передать в печать.

– Мне кажется, Эмили, или ты расстроена?

– Я не понимаю этих людей... На фотографиях видно, что руки Беатрисы связаны, а значит, ее смерть не случайна. Но Генри и другие родственники предпочли замаять дело, избежать огласки и шумных разбирательств. Они поговорили со мной и с Гектором, чтобы убедиться: никакие намеки на убийство не должны попасть на страницы «Новостей Бризбрука».

– Наверное, они имеют на это право.

– Да, но убийца все еще на свободе. Он может продолжить убивать. Что если это сам Генри? Как удачно все сошло ему с рук! Лэнг забирает его и Лили с собой в Лондон, оставляет за ним летний дом в Бризбруке, обещает щедрое содержание...

– Думаешь, он способен на убийство?

– Сомневаюсь, но почему тогда он не хочет узнать правду?..

Рабочий день закончился, Эмили вышла из редакции, но возвращаться домой не хотелось. Снова обсуждать с Этой все события, слышать «а может, они правы».

В любом случае все закончилось. Впереди были выходные. Иэн пригласил ее на свидание. Он долго смущался, краснел, объяснял, что это просто встреча. Но Эмили была счастлива, она надеялась, что события прошедших дней скоро улягутся, и она сможет наслаждаться летней романтикой Бризбрука, не вспоминая о Беатрисе Робертс.

* * *

Бризбрук 1882 год.

Дневник Джека, смотрителя маяка.

«Я все-таки принял предложение Этты и приехал в гости. Хотел посмотреть, как живет община, попробовать пироги Марты, поболтать с Ноа и, возможно, завести новых друзей. Я взял с собой фотоаппарат, и жители с радостью позировали мне. Они смеялись, приветливо махали руками и приглашали заглянуть на обед. Я испугался, что придется перепробовать все угощения, но Ноа заверил меня, что это необязательно.

Я узнал, что у Ноа пятеро детей. Трое своих и за двумя они присматривают по просьбе Этты. В общине вообще много ребятни: часть малышей привезли из приюта в Бризбруке, часть забрали с улиц или отбили у пьяных папаш. Здесь их окружили заботой и любовью. Но главное, в Виндхерсте они в безопасности, никто не может приплыть на остров и забрать их или обидеть. Остров охраняют вооруженные мужчины, вахты сменяются днем и ночью. Но после увиденного в Бризбруке, я не сомневаюсь, что это нужно.

Этта живет в каждом камешке Виндхерста, в каждой клочке земли. На острове она открыла магазинчики, ресторанчики, которые днем принимают гостей. Построила маленькую школу, где сама преподает детям разные науки, учит их считать и писать. Она закупила снасти и новые лодки для рыбаков, научила женщин шить платья и сарафаны, открыла гончарную мастерскую. Здесь сами пекут хлеб и собирают с полей урожай. На большой земле все считают Этту ведьмой: в Бризбруке пропадает пшеница, рыба приходит гнилая, а скот тощий и болезненный. Ей завидуют, не понимая, сколько сил вложено в каждый спелый колосок.

Я подружился с жителями Виндхерста и теперь приезжаю сюда почти каждый день. Здесь моя душа оживает, я чувствую, как меня наполняет любовь и тепло. Я нужен, я важен для них. Я помогаю строить дома, возиться с малышами, выгоняю скот на пастбище и собираю пшеницу. Местные много работают: от заката до рассвета они заняты делом, а вечером собираются вместе, жгут костры, поют песни, играют с детьми. Я же с заходом солнца возвращаюсь на маяк, но, засыпая, непременно жду, когда погаснут последние огни Виндхерста...

Весна на побережье набирает обороты. Раньше обычного распустились цветы, позеленели луга. Погода стоит теплая, солнечная, почти летняя. Скоро забудем, что такое бесконечные дождливые ночи и северные ветра, которые сбивают с ног. Я, как кот, выбираюсь погреться на солнышке, вытаскиваю пару ящичков и устраиваюсь завтракать на улице, любуясь прекрасным видом на залив.

Приближается весеннее равноденствие. В Виндхерсте все готовятся к празднику. Меня выпроводили с острова. Сказали, что приготовления проходят в тайне, да и тем интереснее будет узнать, что же они затевают. Ожидается много гостей: на праздник в общину съезжаются не только из Бризбрука и окрестностей, но даже из дальних уголков графства Девоншир. Празднуют с размахом: всю ночь горят огни, звучит музыка и песни рыбаков.

Людей будет много, но я уверен: Этта – безупречный организатор. Буквально за пару дней до того, как меня попросили с острова, она обустроила в старых амбарах спальные места, мы пошили навесы для палаток и тентов. Набили мешки сеном, чтобы гости смогли заночевать и дожидаться утреннего паромы, который должен увезти всех чужаков с острова.

Хотя вряд ли кто-то отправится спать. Само действие начнется в полночь, когда в Виндхерсте вспыхнут первые факелы и мужчины ударят в огромные барабаны, созывая всех на представление. А закончится праздник с первыми лучами солнца, которые ознаменуют наступление весны.

Сердце трепещет от радостного предвкушения: давненько я не веселился...

Я не смог дожидаться вечера. Прихватив камеру, я отправился на остров пораньше. Пока не начался прилив, я мог добраться до Виндхерста пешком. Надеюсь, мне откроют ворота, иначе придется возвращаться вплавь.

Пришлось почти бежать по песчаному перешейку. Вода стала прибывать раньше обычного, и я понял, что рискую замочить свои парадные хлопковые брюки. Да-да, я принарядился для праздника!

Неожиданно я услышал шаги: кто-то бежал по тропинке, шлепая босыми ногами по холодной воде. Я обернулся и увидел девочку: ту самую, которую Этта забрала у пьяной мамыши. Я спросил, куда она ходила и предупредил, что в Виндхерсте запрещают просто так убегать с острова. Она знала, но ничего не могла поделать. Дома остался дедушка, который не ходит и даже не встает с кровати. Девочка (зовут ее Хелена) переживала, что мать перестанет его кормить. Вот и сбежала с острова, прихватив немного хлеба, чтобы отнести ему. Она просила Этту забрать дедушку на остров, но сказали, что пока нельзя. У Хелены есть план: она будет самой-самой послушной, тогда дедушка переедет в Виндхерст. Она ему все расскажет, покажет, будет приносить горячие булочки. Потому что булочки на острове – объедение!

Я пообещал, что буду заглядывать к ее дедушке и приносить еду. Не хочу, чтобы девочку наказали или мамыша заперла ее дома, а еще хуже – взялась за старое. Но Хелена сказала, что мама уехала. Куда – никто не знает. Это и к лучшему. Надеюсь, она никогда не вернется в Бризбрук. Мальшика взяла с меня клятву, что я не забуду про дедушку, и побежала вперед. А я поплелся следом, размышляя, какие жизни уготованы этим детям...

В Виндхерсте мне были рады. За несколько недель, пока я не приезжал на остров, он изменился до неузнаваемости. Повсюду стояли факелы, красивые фигуры, вырезанные из дерева, на домах висели венки из сухоцветов, украшения из рыбных костей и черепов. Так жители отдавали дань морю, которое их кормило.

Вдоль улочек расставили лавки и столики, на траве застелили теплые пледы и разложили подушечки. В печах разводили огонь, разливали по бочкам медовую настойку. Тут не жаловали выпивку, но на праздник варили что-то особенное. Ноа говорил, что ни один портвейн не сравнится с этим напитком. Попробовать не дали – сказали, дожидаться праздника.

В центре городка, на площади, возвышается огромная каменная жаровня. Почти алтарь, где будут готовить главное блюдо. Дань предкам и древним традициям острова. Надеюсь, меня не принесут в жертву.

Для приезжих все бесплатно. Гости могут оставить пожертвование общине: положить пару купюр в корзинки у входа. Но каждый сам решает, насколько он щедр. Вряд ли праздник приносит много денег Виндхерсту – гораздо больше вложено в приготовления.

Сложно сказать, зачем он нужен Этте. Возможно, она хочет показать людям жизнь на острове или привлечь новых членов в общину. Сейчас много домов пустует. Неудивительно! Только на прошлой неделе Этта выгнала троих: парни привезли бутылку джина и раскатали его вечером. Могли бы, конечно, остаться дома, но их потянуло на приключения. Утром Этта посадила их в лодку и попрощалась. А вот новых жителей за те месяцы, что я провел на маяке, появилось только двое: Хелена и рыжеволосая девушка. Кажется, ее зовут Лиззи. К сожалению, я не знаю ее историю, но показалось, что она хорошо знает Этту. И не только она...

Сегодня я случайно подслушал странный разговор.

Я заглянул к Этте по просьбе Ноа, сказать, что все готово к празднику и можно отправлять паром на берег за первыми гостями. Этта беседовала с Мартой. Я приоткрыл дверь, но остановился: впервые я слышал, как Марта рыдала и кричала. Она обвиняла Этту в том, что та не сдержала слово, что пришла ее очередь, что она давно этого ждала и должна... «переродиться»? Возможно, я неправильно расслышал, но Марта была в отчаянии. К тому же она обмолвилась, что они были знакомы с Эттой еще детьми и та всегда оберегала ее... Странно, Ноа никогда об этом не рассказывал – может, и сам не знал.

Потом Этта заметила меня и жестом попросила Марту уйти. Девушка выскочила на улицу, у нее в глазах стояли слезы. Сейчас я пишу и стыжусь себя. Ненавижу, когда ко мне лезут с расспросами, хотя и покочыряются в прошлом, а теперь сам сгораю от любопытства: что же скрывает Марта? Надо просто забыть об этом. Каждый имеет право на тайну.

Пока я писал, на улице стемнело. Вспыхнули первые праздничные огни, раздался гудок паррома, Ноа ударил в барабан: Виндхерст открывал ворота...”

Глава 10. Следующая

Иэн аккуратно расстелил плед: прямо над обрывом, откуда было видно весь Бристольский залив и очертания Виндхерста, окутанного пеленой вечернего тумана. На острове зажигали огни: он выглядел уютным и умиротворенным. Эмили устроилась на мягких подушечках, которые прихватил Иэн, и пыталась представить, что происходило за высокими каменными стенами общины.

Им действительно удалось выбраться на свидание! Иэн все устроил: захватил корзинку с вином и сыром, Этта настойчиво добавила к их ужину немного мидий, винограда, горячий хлеб. Кажется, миссис Берл незримой тенью всегда была рядом с ними, но девушка не чувствовала раздражения. Напротив, было приятно знать, что за тобой присматривали, заботились. Тем более Генриетте удавалось делать это тонко и деликатно.

Прошла неделя с похорон Беатрисы Робертс, в городе уже давно не обсуждали смерть единственной наследницы Лэнга. Эмили пыталась не думать об этом, но мысли снова и снова возвращали ее на причал. Она пересматривала фотографии, но могла только надеяться, что это была первая и последняя смерть; что убийство не повторится.

Иэн тоже старался не обсуждать смерть Беатрисы: в этом не было никакого смысла. В последние дни он был не особенно занят в участке, поэтому они с Эмили частенько выбирались в город: просто погулять, выпить чаю с пирожными. Но никогда не оставались одни: Эмили быстро привыкла, что в Бризбруке все были соседями, друзьями, знакомыми. Постоянно расспрашивали друг друга о делах, делились новостями, сплетнями, останавливались, чтобы поболтать. Личная жизнь? Здесь о таком точно не слышали: никто не мог остаться в стороне от этого настойчивого единения.

Поэтому Эмили была особенно рада выбраться за город. За ее спиной возвышался маяк, но дверь его оказалась заперта. Иэн сказал, что маяк давно не работает, раньше тут частенько оставались ночевать бездомные, поэтому адмиралтейство запечатало здание и периодически выгоняло тех, кто пытался нарушить закон. К тому же строение выглядело ветхим: смельчаки, которые нарушали покой старого маяка, рисковали оказаться под завалами.

Ноа подбросил Эмили и Иэна, чтобы им не пришлось тащиться с корзинкой, пледами и подушками на вершину холма. Он уехал, многозначительно подмигнув девушке на прощание.

И вот (наконец-то!) они остались одни – где-то на вершине Бризбрука. Чайки кружили в небе, догадываясь, что скоро можно будет разжиться хлебными крошками. Волны разбивались о черные камни у подножия холма. Водную гладь золотили лучи вечернего солнца.

– Может, искупаемся? – было жарко, есть совсем не хотелось. К тому же Иэн и Эмили ощущали неловкость, несмотря на тот поцелуй на крыше.

– Тут сильное течение недалеко от берега, нас может вынести на скалы.

– Иэн, ну пожалуйста! Мы не будем отплывать от берега. Смотри: внизу небольшой кусочек пляжа, поплескаемся там!

Парень сдался. Он помог Эмили спуститься с холма, а потом первым скинул брюки, рубашку. Оставшись в белье, он зашел в воду. Эмили любовалась его крепким смуглым телом. На ней был купальный костюм, но девушка медлила, чувствуя стеснение.

– Ладно, сама же предложила...

– Что ты там шепчешь, трусишка? – Иэн засмеялся и опустил руки в воду, а потом резко взмахнул ими, обрызгав Эмили прохладной соленой водой.

– Ах ты так?! – девушка сняла платье и забежала в воду, поднимая вокруг себя кучи брызг. Иэн нырнул, а через мгновение оказался позади нее.

– Бу-у-у!

Эмили вздрогнула от неожиданности, обернулась, но, оступившись, оказалась полностью в воде. Иэн подхватил ее на руки и закружил, заставляя неспешные волны залива танцевать в водовороте, в который погрузалась Эмили.

Девушка встала на ноги и всем телом прижалась к Иэну. Он обнял ее сзади, руки скользили по влажным плечам, обжигали кожу. Он обвил ее пальцы своими и вдохнул морской аромат пшеничных волос. Эмили чувствовала его дыхание, губы едва касались шеи. Внутри все трепетало, наполнялось страстью.

Иэн неожиданно отступил и нырнул в воду.

– Рассчитываешь спрятаться от меня? – Эмили заметила ладонь, которая показалась над поверхностью, сделала шаг ближе и почти схватилась за пальцы, когда услышала всплеск справа от себя. Иэн стоял сбоку и с ужасом смотрел на что-то рядом с ней. Эмили проследила за его взглядом. Но если Иэн был там, то кого...

Эмили закричала, эхо разнесло ее крики над заливом, распугивая чаек, которые атаковали корзинку для пикника. Рядом с ней, в воде, был труп девушки, и Эмили держала ее за руку.

– На берег! – жестко приказал Иэн.

Эмили не пришлось долго упрашивать. Она выбралась из воды, накинула на себя полотенце, но чувствовала, что дрожит вовсе не от холода.

Иэн вышел следом. Он нес на руках девушку: ее длинные волосы были распущены, платье разорвано, руки связаны за спиной, а на голове виднелся венок из сухоцветов и рыбьих костей...

Девушка была мертва. Эмили узнала ее:

– Это же... Линдси? – воспоминания вернули ее в Даскерс, в комнату над таверной, к разговору с Самантой и юной Линдси, которая была искренне расстроена тем, что у нее забрали кольцо...

– Похоже, она, да, – Иэн осторожно опустил тело девушки на песок у черных камней.

– Эмили, мне нужно сбежать за полицией. Ты сможешь побыть здесь до приезда экипажей? Только, умоляю, ничего не трогай! И лучше переоденься, через полчаса здесь будет куча народу.

Иэн ушел. Эмили быстро вытерлась полотенцем, надела платье и сложила еду обратно в корзинку для пикника. Девушка старалась не смотреть в сторону узкой полоски песка, где сейчас лежала Линдси. Эмили поняла, что ей было не просто страшно, она чувствовала себя виноватой в ее смерти.

– Я позволила им закрыть дело... Ты могла быть жива...

Слезы катились по щекам, Эмили сделала шаг ближе, потом еще один и еще. Она внимательно изучала тело: убийца в точности повторил то, что сделал с Беатрис: связал руки колючей проволокой, привязал груз, надел на голову венок. Кожу девушки покрывали шрамы – укусы, оставленные гигантскими зубами.

– Неужели в залив заплывла акула? – Эмили не знала, насколько такое возможно, но в любом случае Линдси убила не акула, а человек. Укусы казались свежими... Возможно, убийство произошло накануне.

Платье мертвой девушки местами было оторвано вместе с кусками плоти. Но не везде. Корсет на груди, грязный подол, белье – были разрезаны: полоски ткани выглядели слишком ровными... Возможно, Линдси изнасиловали прежде, чем пустить на корм рыбам.

– А это еще что?

Эмили склонилась над телом и заметила, что пальцы девушки сжаты: она прятала что-то в ладони. Окаменевшие фаланги никак не хотели разжиматься. Позади раздался шум: приближались экипажи. Эмили решила во что бы то ни стало достать то, что было в руке у Линдси. Наверняка это что-то принадлежало убийце.

– Ну же, отдай мне это! Шерхолл никогда не расскажет, что там было, снова решит, что ты утонула. А улики просто выбросит.

Эмили с трудом разжала пальцы и быстро положила в карман какой-то маленький черный комочек. Она не успела посмотреть, что это: Шерхолл уже раздавал приказы своим людям.

– Мисс Уоттс, вы в порядке?

Шерхолл увидел бледное лицо Эмили, которая все еще дрожала и с трудом могла говорить.

– Да-д-да, спасибо, мы с Иэном...

– Констебль Бриггс мне все рассказал, вам лучше уйти, чтобы не мешать нам работать.

– Но фотографии...

– Наш штатный фотограф уже здесь, скоро подъедут судебные медики. Уходите.

Эмили оглянулась в поисках Иэна, он стоял рядом с трупом и внимательно смотрел на нее.

– Эмили, ты ничего тут не трогала?

Эмили покачала головой. Она не хотела врать Иэну, но знала, что Шерхолл слышал их разговор.

Эмили побрела вниз с холма в сторону ресторанчика Этты, забрав свою сумку и фотоаппарат, который всегда носила с собой. Корзина для пикника и подушки так и остались лежать на обрыве над черными скалами.

Девушка все-таки остановилась и сделала пару фотографий. Издалека было видно лишь то, что куча полицейских толпятся у старого маяка и внизу, на берегу залива. Эмили решила, что на этот раз она не будет дурой: в Бризбруке должны знать, что происходит. Нужно предупредить людей! Эта мысль придала Эмили сил, и она пошла быстрее, но теперь девушка направлялась не домой, а в редакцию «Новостей Бризбрука».

* * *

Виндхерст 1852 год.

Графство Девоншир, Англия.

Конечно, жизнь в сиротском приюте не была радужной и безмятежной. Все девочки, которых здесь было тридцать, вставали рано, еще до рассвета, чтобы помочь сестрам с уборкой. Рядом с приютом было небольшое поле, где мы выращивали овощи и ячмень. А недавно Рут решила завести курочек, чтобы продавать на рынке не только мыло, но и яйца.

Ложились мы затемно, все в одной большой комнате, той самой с обшарпанными стенами, перемыв посуду и полы в этой строй конюшне, служившей нам убежищем.

Денег у приюта было мало: ровно столько, сколько удавалось выручить на рынке. Иногда заходил отец Джон, приносил пожертвования прихожан Виндхерста и немного рыбы. Я старалась держаться от него подальше, наблюдая издалека и желая, чтобы очередная гроза сожгла дотла его дом и приход.

Еда была скудной. Мы вручную перемалывали ячмень в муку, стирая ладони в кровь, пекли хлеб, но его едва ли хватало на всех.

Одевались скромно. Рут закупала отрезки дешевой мешковины и учила нас шить простые платья и передники. С ботинками дела обстояли хуже, правда, жители Бризбрука частенько оставляли на пороге приюта ящики со старыми вещами. Мы обожали копаться в них в поисках обновок!

– Эй, смотрите, какая шляпка! – Лиззи выглядела счастливой. Она примеряла старую соломенную шляпку, которая больше напоминала гнездо.

– Это шляпка, а не шлюпка, – я улыбнулась. – Но тебе идет! Найдем бусы – будешь похожа на леди!

Сначала я остерегалась людей, детей, старалась держаться ближе к Рут, ощущая себя под защитой. Но потом я поняла, что меня окружали искалеченные, испуганные девочки. Они искали заботы и тепла, дружбы, радости, они искали убежище за стенами, отделяющими их от внешнего мира. Со временем они оттаивали, привыкали к друг другу, начинали любить и жалеть. Но внутри меня этого так и не родилось, зато я научилась делать вид, что такая, как все: наивная, радостная, открытая.

Поэтому я натянула на ноги огромные сапоги, встала и поклонилась Лиззи:

– Леди Лиззибет, вы не согласитесь потанцевать со мной?

Девочки засмеялись и пустились в пляс. Они хохотали и пели песни, которые сочиняли на ходу, водили хороводы вокруг меня и Лиззи, не замечая пробирающий до дрожи холод в моих глазах. Иногда я даже боялась смотреть на себя в зеркало. К сожалению, впусив однажды ненависть, у тебя остается слишком мало места для радости и тепла.

Кроме Рут в приюте служили еще четыре сестры, но я предпочитала проводить время с огромным великаном: на кухне за приготовлением скромных блюд, за шитьем или варкой мыла. Рут рассказывала местные сплетни, пела старые рыбацкие песни, а иногда молча наблюдала, как я таскаю рыбы кости и обрезки веревок, чтобы мастерить поделки.

Несмотря на то, что вечером я почти не чувствовала ног от усталости, я считала, что это лучшее место на свете: здесь не пахло тухлой рыбой, не нужно было терпеть побои и постоянно чесаться от вшей. Рут аккуратно подровняла мои волосы, вырванные Тоддом. Они стали медленно отрастать в мягкие белоснежные кудри. До этого я и не знала, что у меня такие красивые локоны.

Шрамы на лбу и руках больше не болели, но они на всю жизнь остались напоминанием о тех, кого я ненавидела всем сердцем.

Я быстро научилась читать и писать. Папаша никогда с этим не заморачивался. Да и сестры занимались неохотно, считая, что знания вряд ли пригодятся бедным сироткам. Но я жадно глотала все, что слышала. Я быстро поняла, что знания могут дать мне силы, которых не было раньше.

А потом я прочитала первую книгу и пропала... Я открыла для себя целый мир, который простирался далеко за горизонтами и убогими рыбацкими лодками. Конечно, в приюте мы читали в основном Писание, но Рут, желая меня порадовать, приносила и другие книги. Сама она плохо читала, поэтому даже не представляла, что за истории попадали в мои детские руки.

Я искала книги и газеты в ящиках на пороге приюта. Любовные романы и сказки, справочники и псалмы, кулинарные и фармацевтические рецепты.

За три года в приюте я многое успела узнать, а еще завоевала уважение девочек. Они боготворили меня, слушали истории и верили каждому слову.

– А ты сделаешь для меня рыбную куколку? – я не заметила, как ко мне подошло худенькое серое создание, которое только недавно попало в приют. Кажется, ее звали...

– Я Марта. Девочки сказали, что ты всем делаешь куколочек...

Я улыбнулась:

– Конечно, сделаю! Только сестрам ни слова, договорились?

Марта перекрестилась и радостно кивнула, а я отправилась на кухню за парой сушеных костей.

Я села за стол, достала обрезки ткани, положила их рядом с нитками и костями, чтобы сделать игрушку. Мои фигурки стали почти священными в стенах приюта. Они объединяли нас, делали особенными, причастными к таинству.

Я придумывала ритуалы, собирала девочек ночью и рассказывала истории о мире снаружи, подогревая их страхи и боль. Мне хотелось, чтобы они так же сильно, как и я, ненавидели его. Я старалась, чтобы они помнили о прошлом, о каждом ударе и издевательствах, о каждом шраме.

– ...Они закопали ее заживо, потому что никому не нужны некрасивые дети. Так сказал священник. К тому же она слишком громко плакала... А потом забросали рыбьими кишками могилу, чтобы даже собаки не нашли...

Рут этого не одобряла.

– Ну и зачем ты пугаешь Марту? Будешь сама простыни стирать. Одному богу известно, какие страхи ей снятся после твоих историй, что она мочится в кровать.

– Да это же просто истории! Все любят жуть! Ты сама про ведьм вечно рассказываешь.

Рут не только рассказывала про ведьм. Тайком от остальных она собирала травы, терла рыбьи хрящи в порошки и готовила отвары. От нее я научилась неплохо разбираться в настояшках, понимала, как можно притупить боль, как вылечить кашель или свежую рану, как избавить девицу от нежеланного младенца...

– С ведьмами оно ж непонятно: есть они или нет, – Рут опасно оглянулась, проверяя, не слышат ли другие сестры. – А ты несчастным этим не даешь никак покой обрести, забыть.

Но они не должны были забыть. Потому что были нужны мне такими – сломленными и пропитанными ненавистью.

Кроме знаний я обнаружила для себя еще одну очевидную власть – деньги. Конечно, разбогатеть в сиротском приюте было невозможно, но я всегда находила способ добыть пару монет.

Я помогала на кухне, в поле, в доме. Сестры доверяли мне и стали отпускать одну на рынок и в лавку за тканями. Я всегда возвращалась с распроданным товаром и корзинами овощей, которыми делились местные.

В первый раз оказалось сложно переступить порог и выйти за ворота приюта, снова почувствовать себя в опасности. Но это был Бризбрук, его жители жалели бедных сироток. А может, просто не замечали. Понемногу я стала осваиваться: научилась экономить, торговаться, водить за нос продавцов, которые не принимали меня всерьез, а иногда даже плакать, чтобы выклянчить пару маленьких тыкв или ботвы для похлебки.

Когда у меня завелись первые монеты, я купила своим девочкам пряники. Их было всего три, а нас десять. Мы ломали пряники на мелкие кусочки и сосали, наверное, целый час, наслаждаясь невероятным вкусом. В приюте никогда не было сладостей, а тут такое угощение.

С тех пор девочки готовы были продать мне душу, и это почти религиозное благоговение предстояло поддерживать. Поэтому я работала: готовила, стирала, убирала за семерых, чтобы только заполнить пару лишних пенсов. У меня был *план*...

Глава 11. Громкие заголовки

– Эмили, ты наше сокровище! У тебя нюх на скандальные сюжеты!

Гектор Хармс задержался на работе: он хотел лично отправить материалы в печать и проследить за работой типографии, где в последнее время решили наплевать на качество. Оставляли пустые страницы, неправильно набирали текст. Но присутствие Гектора заставляло работников быть более внимательными и аккуратными.

Гектор удивился, увидев Эмили в дверях редакции так поздно. Девушка дрожала – то ли от холода, то ли от волнения, ее волосы были мокрые, платье измазано песком. Хармс испугался, как бы чего не стряслось. Но, по меркам главного редактора «Новостей Бризбрука», гонец принес отличные вести!

Гектор с интересом выслушал рассказ Эмили и тут же остановил печать следующего номера: информация про труп девушки должна была оказаться на первой полосе раньше, чем жители успели бы сами разнести слухи по городку.

– Я бы не назвала смерть девушки скандалом... – Эмили не очень нравился тон, с которым Хармс обсуждал будущую статью, но ей нужно было во что бы то ни стало предать дело огласке.

– Да-да, конечно, подготовьте фотографии и идите домой. Я понимаю, какой это стресс. Попробуйте хоть немного поспать. А завтра с новыми силами отправитесь на охоту за сенсациями!

– А как же статья?

– Я уже вызвал Жозефа. Он будет в редакции с минуты на минуту и все оформит. Не переживайте: вы сделали за сегодня больше, чем могли!

Эмили понимала, что ей действительно нужно привести мысли в порядок, подготовиться к тому, что завтра Шерхолл заявится в редакцию, будут крики, шум. Но зато дело Линдси не будет погребено под кучей бумаг в полицейском участке.

Когда Эмили вернулась домой, Генриетты не было, поэтому, заварив чай из трав, которые нашлись на кухне, Эмили устроилась с блокнотом у окна своей маленькой комнаты. Нужно было записать все: мысли, переживания, детали, чтобы ночь не стерла из памяти что-то важное. Она не могла предать Линдси.

Эмили сама не заметила, как уснула. Ей снова снился все тот же жуткий сон: она тонула, но не могла выбраться на поверхность, не могла закричать...

Утром в редакции ее действительно ждали, но не Шерхолл, а Саманта. Она ругалась с Жозефом, совсем не стесняясь в выражениях, и требовала, чтобы ей дали поговорить с редактором. Девушка размахивала у француза перед лицом свежим выпуском «Новостей Бризбрука», а тот ловко уклонялся от ее попыток треснуть его газетой по лбу.

– Саманта? Привет, что ты здесь делаешь? Что-то случилось?

– Случилось?! – Саманта была в ярости. – Это правда твоих рук дело?!

Девушка протянула Эмили газету, где на первой полосе была статья с красноречивым заголовком «Охота на шлюх». Ее автор, небезызвестный Жозеф Мувон (который, кстати, под шумок сбежал, чтобы избежать дальнейших разговоров с Самантой) утверждал, что в Бризбруке орудует психопат, который убивает проституток. Здесь же перечислялись имена, а в центре красовалась фотография, которую Эмили сделала возле маяка. Кроме Линдси в статье упоминались еще три девушки. Хорошо, что о Беатрисе не было ни слова, иначе ее отец точно отправил бы всю редакцию за решетку.

– Это правда? Все эти девушки? – Эмили удивленно подняла глаза на Саманту.

– Это ты мне скажи! Этот дебил утверждает, что ты нарыла материал.

– Мы с Иэном вчера были у маяка...

Эмили заметила, что Саманта напряглась, когда услышала имя брата, но решила не придавать этому значения.

– ...и обнаружили тело Линдси в воде... Я сделала фото, но про остальных ничего не знаю.

– Остальные – вранье. У меня такие даже не работают, а те, кто есть, живы-здоровы. Придурки! Распугали нам всех клиентов, девушек довели до истерики: никто на работу не вышел.

– Извини, я не знала, что они напишут все это...

– Ладно, вижу, ты и правда не виновата, – Саманта выдохнула и попыталась взять себя в руки. – Может, выпьем чая? Или ты не хочешь, чтобы тебя видели с проституткой?

Эмили проигнорировала попытку Саманты уколоть ее, ей казалось, что девушка отчего-то ревнует Иэна к ней. Это было чем-то нездоровым, но, возможно, она просто переживала за него больше, чем показывала.

– Здесь через дорогу есть уютная чайная лавка, а я как раз не завтракала.

Саманта вышла из редакции, и Эмили последовала за ней. Через несколько минут они уже сидели за столиком. Саманта закурила, вызывающе глядя на Леонору, хозяйку чайной лавки, которая явно была не рада гостье с сомнительной репутацией.

Элеонора принесла несколько чашек, чайничек с чаем и с грохотом поставила на стол, всем своим видом выражая отвращение. Саманта улыбнулась и ехидно выпустила дым прямо ей в лицо:

– Ленни, что-то ты грустная и злая! Я твоего муженька вчера так развлекала, что могла бы и поблагодарить.

Леонора покраснела и убежала в подсобку.

– Ты и правда спала с ее мужем?

– Даже не знаю, как он выглядит, просто не люблю, когда люди считают других мусором. Пусть сами почувствуют на себе вонючую шкуру.

Эмили уже сомневалась, что выпить чая с Самантой было хорошей идеей. Поэтому она решила быстро все обсудить и вернуться на работу. Сестра Иэна заговорила первой.

– Какая хреновая жизнь была у Линдси... Мать держала ее в хлеву со свиньями, кормила помоями. Потом девчонка сбежала, скиталась, воровала. Когда я нашла ее, она напоминала дикого звереныша, который привык разве что получать побои...

– И ты предложила ей красивую жизнь?

– Какую могла. Не всем же быть журналистками, кому-то достаются другие роли. Но, черт побери, они все верят в чудеса! Вчера за Линдси прислали кэб, она все щебетала, что нашла богатого поклонника, что он влюбится в нее... Дура!

– А ты не знаешь, кто это мог быть? Или куда кэбмен отвез Линдси?

– Не представляю, девочки скрывают имена щедрых поклонников: могут увести. А хорошим кэбменам богачи щедро платят за молчание, иначе какой толк в их услугах. Те будут молчать даже под пытками.

– Блин, Саманта, но вы же сами выбираете такую жизнь?! Летите как бабочки на огонь: ночью, к каким-то психам, извращенцам. Иэн говорит, вас двоих забрали в Бризбрук, когда вы были детьми...

Лицо Саманты стало холодным и отстраненным, она словно надела маску, чтобы скрыть бурю, бушующую внутри.

– Я не была ребенком: мне было четырнадцать. И да, подозреваю, что Иэн рассказал, какими редким мудаком был мой папаша. Вот только из одной тюрьмы, я угодила в другую. Нас окружили любовью, заботой. По крайней мере, так казалось. Но потом я поняла, что задыхаюсь. Нас контролировали, наблюдали, каждую минуту мы были под присмотром: нам дик-

товали что делать, что есть, что говорить. За непослушание наказывали, а потом снова душили притворной любовью. До совершеннолетия нам было запрещено покидать остров.

– Может, они хотели уберечь вас от воспоминаний о прошлом?

– Если бы! Они не давали нам забыть. Приемная мать каждый день напоминала мне о том, что случилось, о том, как отец насильовал меня. Я думала, что схожу с ума. Они лелеяли нашу ненависть.

Саманта ненадолго замолчала, пытаясь унять дрожь в голосе, которая все же проступала через маску равнодушия. Она сделал глоток и поставила чашку обратно на стол.

– Виндхерст объединяет не любовь, а ненависть. Они возвращают ее в себе, объединяясь против всего мира, против призрачных монстров, которые якобы готовы напасть и забрать у них это жалкое убежище. Они наказывают!

– Наказывают кого?

– Наши обидчики: родители, воры, извращенцы – все исчезали, умирали от голода, их находили с отрубленными конечностями или с пустыми черными глазницами.

– Больше похоже на жуткие страшилки для детей... Неужели никто бы не заметил?

– Это Даскерс, жизнь там и не такое подкидывает. Да и кому до этого есть дело?

Эмили казалось, что Саманта, как и многие другие, пытается искать виноватых в своих несчастьях. Как бабушка и дедушка, как отец: им мерещились монстры, призрачные враги, они были не готовы говорить с живыми, жертвовать, бороться. Вместо этого они твердили о несправедливости.

– Может, ты и права. Но старайся не доверять всему, что видишь. В Виндхерсте учат носить маски, и каждый получает свою...

Неожиданно Саманта о чем-то вспомнила:

– А вы узнали, кто была та девушка, которую нашли в порту? Вы забрали ее кольцо.

– Беатриса Робертс, и я думаю, что их с Линдси убил один и тот же человек.

– Беата?

– Вы были знакомы?

Саманта грустно улыбнулась:

– Я могла бы быть ей.

Эмили с недоумением смотрела на собеседницу.

– Когда я сбежала из общины, я устроилась на работу в дом Робертсов, им нужна была горничная... Очень скоро мы с Генри поняли, что любим друг друга. Мы сходили с ума от чувств, а его отец, на удивление, не был против нашего брака. Но потом старший Робертс обанкротился, семья уехала из Бризбрука. Генри клялся, что придет за мной, что мы обязательно будем вместе... Но вернулся он уже с беременной женой, деньгами и... Вот и вся история. Как видишь, я не сильно умнее своих девиц.

– Хм... Выходит, обе девушки были связаны с тобой, Саманта? Возможно, это не совпадение, и тебе стоит быть осторожной.

Саманта пожала плечами:

– Вряд ли Беатриса знала, кто я такая. Да и Бризбрук – маленький городок, тут найдется пару сотен людей, связанных с этими двумя девушками и со мной. Ясно одно: они обе любили мужскую компанию, были прирожденными шлюхами, несмотря на разный достаток и титулы.

– Но их точно убил один и тот же человек. Руки девушек были связаны, на голову надет веночек из рыбьих костей, Линдси скорее всего была изнасилована перед смертью... Их обеих сбросили в залив на корм хищным рыбам, явно рассчитывая, что тела не найдут.

Саманта застыла в ужасе: в голове мелькали страшные воспоминания. Она снова была в маленькой комнатке, привязанная к кровати: в белоснежной, почти прозрачной ночной рубашке, с распущенными волосами и венком на голове. Шипы и кости царапали кожу. Она с

трудом соображала: видимо, они чем-то напоили ее. Тут дверь в комнату открылась, и вошел он. Девушка знала, что будет дальше...

– Ну здравствуй, Саманта!

– ...Саманта, Сэм, ты меня слышишь? – Эмили никак не могла докричаться до девушки.

– Да-да, мне надо... Я уйду. Брось это дело, Эмили, забудь. Уезжай! Ты здесь не просто так, ты зачем-то нужна им...

– Что происходит? Ты что-то вспомнила?

Эмили не успела больше ничего спросить. Саманта схватила сумочку и выскочила из лавки. Леонора вышла из подсобки, услышав, как хлопнула дверь.

– Мы уже уходим, извините, – Эмили полезла в сумочку, чтобы достать деньги и заплатить за чай, как вдруг нащупала сверток, который достала из руки Линдси на пляже.

Эмили взглянула на ладонь и увидела кусок грубой черной ткани, с обрывками изображения: головой льва или чего-то похожего. Элеонора с интересом посмотрела ей через плечо.

– Это нашивка!

– Простите, что?

– Такие гербы нашивают на форму полиции Бризбрука...

* * *

Бризбрук 1882 год.

Дневник Джека, смотрителя маяка.

“Толпа заполняет Виндхерст. Паром несколько раз отправляли на берег, чтобы забрать всех желающих попасть на весенний праздник. Ноа говорит, что никогда еще не было столько людей. Он светится от гордости, даже натянул белую рубаху. Марте пришлось ее немного расшить, иначе тонкое полотно просто треснуло бы на его необъятном теле. Кажется, Ноа не перестает расти. В общине смеются, что скоро придется купить еще три лодки, чтобы его прокормить.

Гости медленно растекаются по острову, занимают столики, пледы, устраиваются под навесами, выбирают угощения. Корзины возле ворот тоже наполняются, но не так быстро, как исчезают рыбные пироги и мясная похлебка.

Я заметил Марка. Оказалось, они с ребятами тоже приехали на остров. Я был рад старым друзьям, но моя радость быстро сменилась гневом. Они ведут себя как животные: орут, отпускают сальные шуточки, швыряют остатки еды в грязь. Они считают местных жалкими и убогими, не стесняются в выражениях и обсуждают, как затрахали бы до смерти чокнутую ведьму Этту.

Твари! Виндхерст открыл для них свои двери, а они пришли с ненавистью. Марк заметил, что я изменился в лице и решил увести парней подальше. Он знал, что башка у меня отбита после войны – мало ли чего удумаю. Оно и к лучшему.

Я постарался забыть про рыбаков и окунуться в праздничное настроение Виндхерста.

Я заметил, что Марта веселилась вместе со всеми. От слез не осталось и следа. Возможно, это было просто волнение перед праздником. Ведь Марта несколько дней готовилась к представлению. Вместе с другими женищинами они пошили кукол, сколотили ширму и устроили настоящий кукольный театр. Собралась вся детвора острова, они с нетерпением ждали спектакля. Я устроился неподалеку, чтобы тоже послушать местные легенды.

Марта подняла занавес и маленькие тряпичные куклы с миниатюрными цветочными венками затанцевали среди застывших бумажных волн. Они рассказывали сказку о прекрасной принцессе, которую невзлюбила злая мачеха, потому что та была милее рассвета и

утренних звезд. Мачеха приказала измазать девушку грязью, полить жиром и поджечь, чтобы навсегда лишить принцессу ее красоты.

Принцесса неистово кричала и звала на помощь, но никто не пришел. Откликнулось только море. Девушка подбежала к обрыву и бросилась в его объятия.

Море потушило сжигающее ее пламя, смыло грязь, залечило раны и наполнило принцессу волшебным сиянием. Принцесса переродилась. Она вышла из моря еще прекраснее, чем была раньше, и направила бурные волны на королевство. Зло погибло. Свет победил тьму. На острове наступила весна...

Дети слушали историю, затаив дыхание. А когда все закончилось, громко захлопали в ладоши. Думаю, они никогда не видели такого волшебного представления! Конечно, в конце им вручили сладости. Марту обнимали и благодарили за спектакль, она смущалась – не ожидала, что даже взрослые придут послушать местные легенды. Мне показалось, я заметил глубокую тоску в ее глазах, но она быстро сменилась привычными веселыми огоньками...

Я старался заснять все на камеру. Переживал, что будет темно. Но огней в деревне было столько, что казалось, будто наступило утро. Даже ночь выдалась лунная, звездная, светлая.

Тут я услышал пение, а вдоль дорожки, которая вела к главной площади, вспыхнули факелы. Девушки в белых одеждах и венках из полевых цветов, словно ожившие куклки Марты, шли босиком, напевая песню на незнакомом мне диалекте. Что-то про весну, новую жизнь и перерождение души. Их кисти были обмотаны кружевными лентами, они держали в руках маленькие фигурки, сделанные из рыбьих костей.

Впереди процессии шла Этта. У нее на голове было что-то вроде короны из черепа огромной хищной рыбы. Она выглядела сильной и величественной, но я смотрел не на Этту...

В яркой вспышке фотоаппарата я увидел ее. Длинные белокурые локоны ниспадали на плечи и лицо, прикрывая розовые щеки и яркие зеленые глаза. Красные губы двигались в такт мелодии, едва заметно расплываясь в загадочной улыбке. Платье струилось по ее стройному телу, приоткрывая тонкие кисти и щиколотки. Она перебирала пальцами, словно играя на невидимом инструменте.

Мир вокруг растворился. Я больше не замечал никого и ничего. Я закрыл глаза, чтобы перевести дыхание, а когда открыл их, едва не вскрикнул от неожиданности: она стояла прямо передо мной и протягивала фигурку. Я взял ее, промямлил что-то невнятное. Надеюсь, она поняла, что это спасибо. Боже, нельзя же быть таким жалким!

Прекрасная незнакомка задержала мою руку в своей и поцеловала ее, а потом отправилась дальше, вслед за остальными. Я до сих пор ощущаю ее теплое дыхание на своей коже...

Внезапно дорогу девушке преградил Марк со своими похабными шуточками и предложениями заглянуть на рыбацкую лодку. Он схватил девушку за руку и прижал к себе. Она улыбнулась, глядя прямо ему в глаза, а потом вырвала руку и воткнула в шею Марка тонкую рыбью кость. Марк взвыл от боли и хотел ударить ее. Но тут позади него, словно тени, встали мужчины из общины. Они положили руки Марку на плечо и силой усадили на землю. Парень выругался и с нахальной ухмылкой сплюнул жеваный табак на землю... Его глаза пылали яростью.

Шествие продолжилось. Девушки обошли девушку и скрылись на пути к ущелью у Мертвого пляжа.

Праздник набирал обороты. Всю ночь я искал незнакомку в толпе, но так и не смог найти. Может, медовая настойка оказалась слишком крепкой, и она мне привиделась? Руки дрожали, я решил налить еще, чтобы унять дрожь.

Тут на каменной жаровне вспыхнул огонь. Мужчины вынесли какую-то огромную тушу. Оказалось, что это рыба! Гигантская, хищная, с кучей острых зубов. Такие точно не водились в Бристольском заливе. Мужчины ловко орудовали ножами, разрубая двухметровую тушу на куски под бой ритуальных барабанов. Кости и хрящи откладывали в сторону, а мясо раскидывали по тарелкам и угощали гостей.

Ноа рассказал мне, что это барракуда. Эта специально заказывает их издалека для праздника, чтобы жертвоприношение выглядело эффектно.

Странно, мне казалось, я видел, как рыба билась в предсмертной агонии, когда из нее доставали гарпун. Да и такие гарпуны есть только у жителей Виндхерста – здесь их делают вручную. Но может, это тоже часть шоу.

Бред! К чему вообще думать про какую-то рыбу?!

Я осушил стакан медовухи, потом еще и еще. Почему-то мне захотелось забыться, отдаться первобытному веселью. Голова кружилась, казалось, что вокруг снова и снова вспыхивали огни. Мы плясали прямо посреди горячего пламени: люди с головами рыб, мертвые товарищи с фронта, девушки в кровавых одеждах. Безумие наполнило меня...

Утром я проснулся от того, что кто-то настойчиво толкал меня в бок. Это был Ноа. Последний паром должен был вот-вот отплыть с острова, и мне стоило поторопиться. Голова болит, я не помню, чем закончился праздник. Странно, но внутри я чувствую себя свободным и умиротворенным: как будто я наконец-то выпустил наружу то, что сжимало сердце и не давало спать по ночам. Кошмары сгорели в ритуальных кострах Виндхерста.

Жители общины каким-то чудом успели убрать все следы праздника. Теперь это была обычная деревушка, где ничего не напоминало о ночных гуляниях. Я не хотел встречаться с Марком – боялся, что не сдержусь и врежу ему как следует, но его нигде не было. Видимо, уплыл раньше.

Эта всегда говорила, что капля яда может отравить цветущий луг. И теперь, думая про таких как Марк, я знал, что больше не позволю им ступить на остров.

Она пришла попрощаться со мной, поблагодарила за помощь и напомнила, что хорошим людям в общине всегда рады. Эта намекнула на то, что в Виндхерсте теперь есть те, кто будут с нетерпением ждать новой встречи со мной. Она кивнула в сторону домиков и, кажется, я снова увидел прекрасные зеленые глаза – там, в окне. Я не знал имени, не встречал раньше, но понимал, что влюбился. Я шел на паром, оставляя на острове свое сердце..."